

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА

ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В С.С.С.Р.

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва 10, Самогека, 2, Троицкий пер., д. № 6,
Троицкое подворье,
Редакция «Вестника Синода».

№ 7 (30)

1928 год.

ПОДПИСКА на 1928 год продолжается.

Подписная цена на 10 №№—6 руб.,
за 5 №№—3 руб.

Цена отдельного № — 75 коп.

Двойного — 1 р. 50 к.

Наложенным платежом журнал высылается на
сумму не менее 3 рублей.

Г. П. Б. в ЛНГР
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1928.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Письмо Вселенского Патриарха Василия III на имя председателя Св. Синода Митрополита Вениамина.
2. Второе заседание II Всероссийского Поместного Собора православной церкви. Под редакцией Митрополита Александра Введенского.
3. Голос церковной древности по вопросам современной русской церковной жизни. Протопресв. Н. Г. Попова.
4. Два опыта по переводу литургии на русский язык в начале текущего столетия. Его же.
5. Не мир, но меч (характеристика отношений православной церкви к сектантству). Проф. В. З. Белоликова.
6. Поминайте наставников ваших.
7. Первый миссионерский опыт. Свящ. З. Лисаневич.
8. Объявление.

Письмо Вселенского патриарха Василия III на имя председателя Священного Синода Православных Церквей в СССР митрополита Вениамина.

Досточтимейший Митрополит Московский и Коломенский, во Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашей мерности Кир Вениамин, Председатель Священного Синода Православной Церкви в России, благодать да пребудет с Вашим Высокопреосвященством и мир от Бога.

Находясь теперь в полном здоровье после перенесенной нами в последнее время острой болезни, мы испытываем особенно приятное чувство, направляя должную нашу сердечную благодарность к Вашей любви за Ваши исполненные любви молитвы ко Господу за нас во время нашей болезни.

Да дарует Господь Вашему маситому Высокопреосвященству и прочим возлюбленным членам Синода здравие и да укрепит и приведет к благополучному результату священное пастырское

делание и боголюбивые стремления Ваши к миру и единству святой братской церкви Российской. Возлюбленные. Наш дух и сердце всегда обращены к вам. Мы горячо молим Господа и просим, чтобы Он даровал нам счастье видеть конец тьмы губительного разделения и наступление светлого дня спасительной любви и единения. Да ускорит же Господь пришествие этого дня, который будет днем великого утешения и радости во всей Святой Православной нашей Церкви.

Благодать Его и беспредельная милость да пребудут с Вашим возлюбленным Высокопреосвященством и всеми членами священного Синода.

Константинопольский Патриарх Василий III, возлюбленный во Христе брат. 1928 г. июня 14-го.

Второе заседание II Всероссийского Поместного Священного Церковного Собора Православной Церкви.

Четверг, 3-го мая 1923 г.

Заседание открывается в 12 час. 30 мин. дня.

Митрополит Петр предлагает пропеть молитвы: «Христос Воскресе», «Днесь благодать Св. Духа» и, по предложению некоторых Членов Собора, — Символ веры.

Митрополит Петр. Второе Заседание Второго Всероссийского Священного Поместного Церковного Собора объявляю открытым. На повестке дня стоит доклад о. прот. Введенского о Православной Церкви, социальной революции, Советской Власти и патриархе Тихоне.

Прот. А. И. Введенский. С внутренним трепетом стою я перед Священным Собором, ибо сегодня здесь у нас не только Собор, но и суд. Мы приходим сюда, на суд Собора, для того, чтобы сказать вам, избранному сыну Матери Церкви, о том, почему пошла церковная жизнь так, как она шла истекший год.

Сегодня Собор должен благословить или анафематствовать освободительное движение в Церкви. Сегодня Собор должен сказать — иди и живи — нашему течению, или сказать — ты должен умереть обесславленный, погубивший Церковь, ты — имя которому пусть будет Иуда.

Итак, Собор имеет сказать свое суждение, дать благословение — или отвернуться. Сегодня перед Собором предстанут две правды: правда наша, освободительного обновленческого движения и правда традиционная, правда Церкви патр. Тихона и самого патр. Тихона, как вождя этой Церкви.

И для того, чтобы Собор мог иметь беспристрастное, об'ективное суждение по этому вопросу, важности совершенно исключи-

тельной, я имею величайшую честь от лица Высшего Церковного Управления и от лица всех обновленческих групп, представленных на нашем Соборе, доложить вам те материалы, рассказать вам всю ту правду, поведать вам о всей той фактической обстановке, при которой текла наша жизнь. Тогда вы сами будете судить, так ли пошла Церковь, предателями Иудами являются сейчас двигатели обновленческого движения и все движение, или наоборот, — те, от которых отошли мы, они радели не о благе церковном.

Русская Церковь переживает кризис. Мы перестали понимать друг друга, мы стали друг в друге видеть врага, мы боимся общения в молитве и Евхаристии, мы перестали быть братьями, — мы, исповедующие один и тот же символ веры, рожденные, воспитанные, вскормленные соками той же Матери, стали как враждующие, непонимающие, негодующие враги. И наш Собор только один в состоянии властно, громко сказать этим враждающим и часто непонимающим почему враждующим, — перестаньте, здесь правда, идите за ней, уйдите от той неправды, хотя бы она облекалась в пышные одежды подлинности православия. Итак, вы будете лечить, вы преподадите то лекарство бессмертной истины, хранительницей которой является Церковь. Вы являетесь выразителями церковного мнения, вы здесь — сама православная русская Церковь.

Я хочу рассказать вам о болезни, ее течении, причине. Вы поставите диагноз, вы возьмете рецепт и напишете на нем тростью истины ваше решение и снова соберется расточенное, погасится

пламя вражды и будет Церковь тем, чем быть должна — союзом любви, святящейся от солнца любви Господа Иисуса Христа.

Я сейчас отойду очень далеко от русской православной Церкви, я буду говорить о христианстве вообще, его положении в мире вообще, потому что, мое глубокое убеждение, что мы больны общей болезнью христианства, что только в нашей Церкви с особенной мучительностью, прежде всего созрел этот кризис, которого еще как будто не видно, но который уже действительно совершается среди всех христиан всего мира.

В самом деле, сейчас мир усумнился в ценности христианства, сейчас мир хочет, по чудесному выражению французских писателей XIX ст., д е х р и с т и а н и з и р о в а т ь с я. Мир, носивший белые крещальные рубашки, как бы нашел, что рубашки тесны. Они белоснежны, прекрасны, но они тесны. Смотрите, ваши крещальные рубашечки треснули по всем швам, обветшали. Мир уходит от христианской Церкви. Общее явление отхода от Христа уже в течение целого ряда последних десятилетий подмечено верующей и неверующей, наблюдающей мыслью.

Вот предо мною ряд французских писателей. Я беру из них только одного, но мне пришел сейчас на память — Де Лилль. Он говорит, было некогда время и над вселенной сиял лучезарный облик Христа. Теперь этот облик угас, померк, стал темнее, но нам и не надо этого света. Вот предо мною Америка, ряд теперешних мыслителей, известный американский анархист Свифт, который пишет памфлет за памфлетом против Бога и Христа. Знаменитый американский романист Синклер говорит, что, правда, теология еще заставляет жить кой-кого, но это теологические мертвецы стучат своими костяшками, — это танец смерти. Француз Ницше, в котором нельзя не видеть одного из крепчайших пророческих умов, сказал, что боги умерли, что по всему миру прокатилось жуткое эхо погребального рыдания над уже умершим Богом. Возьмите его книгу «Антихрист», — и вы найдете много мест, часто грубых и шокирующих вас, где Ницше не находит достаточно слов, чтобы выразить свое негодование, презрение и омерзение перед христианством. Ницше утверждает, что Евангелие — самая грязная книга, которая когда-либо написана человечеством, после которой всякая книга покажется чище, что читая ее, нужно одевать перчатки, чтобы не запачкать руки.

Наша белоснежная книга в золотых переплетах, которую мы украшаем самоцветными камнями, потому что она — драгоценнейшая жемчужина веры нашей, — она для Ницше и стоящим за ним, — книга, которая пачкает. Бред безумного? Нет, но здесь подхвачено настроение масс, — масс, которые отходят от Христа, которые не хотят идти за Христом.

Русский известный ученый академик Нестор Котляревский не богослов, но и не атеист, в прошлом году выпустил книгу «XIX век», где дает литературное обозрение жизни за XIX в. Знаете, что является, по мнению Котляревского основным, доминирующим лейтмотивом, что светит на всех страницах мировой литературы? — Отход от Христа. С разных сторон, более или менее талантливо, литераторы начала и конца XIX столетия подчеркивают, вырисовывают факт отхода мира от Христа.

И самое, я знаю, наше священное Собрание, для многих кажется странным анахронизмом. Так, Кальридж, английский писатель, говорит, что проблема церковного строительства, — это проблема небесного чревоущия.

Итак, мир отходит от Христа; как будто мы начинаем присутствовать при исполнении того жуткого пророчества, которое знаменитый Эрнест Ренан сказал своему племяннику: «мир идет к неверию и с каждым десятилетием это неверие будет расти. Последним народом, который будет цепляться за религию, — это турки, но я знаю, что и турки отойдут от веры». Так говорил Ренан-Гюйо.

В чем дело? Что заставляет мир отходить от Христа? Евангелие оказалось мифом, истина оказалась в противоречии с общекультурным философским сознанием? Да, был этот соблазн мысли. Когда-то Лессинг и многие другие открыли научный поход против веры. Им казалось, что можно штурмом научных батальонов взять твердыни Церкви. Давид Штраус, этот главнокомандующий критической мысли, делая натиск науки на веру, так пишет: «я вижу, как под натиском науки старый Бог принужден сдавать свои укрепления одно за другим. Буйная, смелая, вольная мысль, которую католическое средневековое муровило, замуровывало в тиши готических монастырей, вырвалось».

Мир хотел критически посмотреть. Они — побеги буйные, зелено-молодые того древа познания добра и зла, которое католическое средневековое деспотическое насилие хотело заставить спрятаться. Весна сменяется всегда летом. Лето, это, так сказать, время критических сравнений, жатвы. Весной мы бываем упоены блеском весенних звезд и ароматом белого ландыша, звоном шумящих ручьев. Наступает лето, солнце дает плоды. После весны

человек собирает те плоды земли, которые выросли в результате этой весны. Лето, особенно конец лета — это суд над весной. Весна себя оправдывает. Да, земля дала снова радость, хлеб. Так и здесь, критическая весна к лету, закату лета, которое мы сейчас переживаем, 1½ в. прошло с пробуждения критической весны. Мы собираем плоды, но плоды оказываются не те, которые ожидали Реланусы и прочие. В результате научного сокрушения христинских начал, эти начала утвердились. Мы, верующие люди, можем по прежнему собирать золотые зерна пшеницы, для того чтобы так же питаться плодами вечности.

В самом деле, я внешне, объективно, становлюсь критическим исследователем, я делаю сводку, — я констатирую, вопреки Штраусу, что современное научное создание не разбило христианской твердыни. Сказать, что Евангелие — книжечка человеческая и страницы в ней только человеческие, — ныне уже нельзя. Правда, уже давно к Евангелию стали относиться, как к чему то человеческому, как многим казалось, слишком человеческому документу, которых много. Я скажу от себя, если бы Евангелие было не научно, научные крохоборы давно доказали бы его ненаучность.

Итак, текст тверд и верен, итак, Евангелие дает историческую правду. Гарнак говорит, что пришел к клубокому заключению, что натуралистически, естественно, Евангелие объяснить нельзя.

Но выходит жизнь, победная жизнь и хочет изгнать христианство и Церковь из чертогов жизни.

Мир существует круглым счетом после прошествия подвига Христа, 2000 лет, и неправда, жуткая неправда, еще наглее торжествует в мире. Еще жутче тени, еще чернее контрасты после того, как мир прорезал солнца луч от истины Христовой. Эти черные тучи встают над сознанием человека и человечество не видит солнца, говорит, что солнце фальшивое, холодное, — сусальное, как говорит оно.

Да, мир пред'явил христианству счет по фактическому исполнению Церкви ее обещаний. Но Христос по прежнему приковывает взор. Оскар Уальд писал в своих письмах, что Христос это Тот, при одной мысли о котором, даже у того, кто не пригибает колен у Алтаря Иисуса, и у того делается легче на сердце. Но христиане не Христовы, Церковь живет не Христом. Это трагедия, это боль, это — ужас.

Мир издыхает в социальных противоречиях. Мир разделился на два класса: жирные, сытые банкиры с тысячами автомобилей, у которых один рот и миллионы завтраков и ужинов, тысячи чертогов, тысячи кроватей. И другой мир, мир обездоленных, у которых нету крова над головой, у которых нету черствого куска хлеба. Обнаглевшие, победившие, купившие свое счастье страданьем, кровью, и, прежде всего — потом трудящихся масс. Переводя на современную терминологию — капитализм и пролетариат. Мир разделился на два стана: одним все, другим — ничего; одни цари, другие рабы. Мы знаем, что капиталисты и те, которые живут в банкирских конторах, коттеджах и виллах этого капитализма, они гнушаются прочим. Для них прочие — навоз, рабы. Они пленили науку, государство, они захватили армию, всю человеческую технику и культуру и заставили их служить себе. Как страшные пауки, эти немногие, несколько сот всего, может быть, высасывают посредством невидимых, жутко-мохнатых щупальцев, всю человеческую энергию, работу и заставляют служить своему праву. А прочие, обескровленные, исстрадавшиеся, измученные. — они тот ковер, по которому идет лакированная изящная ботинка жены банкира. И в этом неправда, трагическое противоречие теперешней жизни. Наша вера, наше христианство, куплены этими банкирами. Наша вера, наше христианством, наша религия Богом избрала Рокфеллера, а не Христа. Во всем мире, — пусть того не сознают массы, я говорю о тех, которые знают, что творят, — по всему миру, по меткому замечанию Вандервельде, на алтарях лежит не Христос, а куль золота. Если когда-нибудь Церковь пыталась протестовать против этого, пыталась сказать слово правды, — их сажали в тюрьмы. Не так давно, в Америке кончился процесс одного священника, духовника Рокфеллера, который осмелился с кафедры высказать ему порицание. Христианство оставалось равнодушным, христианство позволяло накапливаться этой капиталистической энергии, христианство до сих пор вело Церковь с о з н а т е л ь н о, — я это утверждаю, — на служение капиталу. Все римские папы, архиепископы и епископы не могли не знать, если не знали, я скажу — не смели не знать, что делают. Вы скажете, Церковь заботилась, занималась благотворительностью, проповедовала о милости. Было, знаю. Знаю отдельные святящихся перед Богом благодатных мужей и жен. Но я говорю о в с е й массе церковной.

В конце XIX ап. была попытка папы Льва XIII, как-то христианство ввести в социальную жизнь. У нас, в России, Церковь затыкала уши, когда говорили о социальном строительстве. Но католики зорче, умнее. Папа Лев XIII в 1891 г. издает свою энциклику «*Regum novarum*». Это было откровением католической

мысли, это поцелуй Христа, лобзание Церкви. Позвольте, я расскажу о цене и вкусе этого поцелуя. Папа Лев XIII говорит, что это Бог установил различие, что социализм — дело антихриста, что если социализм будет на земле, то будет царство нищеты. Папа Лев XIII свидетельствует, что нет общих благ и предлагает какую-то странную католическо-кооперативную систему улучшения жизни. Это поцелуй Церкви?! Объять Христа?! В кощунствуете о Христе! Христос так не обнимает, так не целует!

Бросим католиков. Перейдем к нам ближе. Что Церковь сделала по этому вопросу? — Молчала. Крепостное право, в котором был воспитан русский народ — крепостное право нигде так не обличало свою держимордскую физиономию, как в Церкви. Я возьму лучших святителей. Передо мною человек, перед чьей святой памятью я не могу не благовестить — Феофан Затворник.

И он говорит, что Бог повелел человеку хранить и приумножать богатства. И вот поэтому, — потому что лучшие священники говорят так, — вышли люди, которые трезво посмотрели на жизнь и сказали: «будем работать, нам с вами не по дороге».

Когда пришли те и сказали, что релегия есть опиум для народа, они сказали, что вся жизнь есть изменение, вся история есть изменение, изменять надо. Сны порвали со всяким благочестием и пиэтизмом. Я напому вам страницы из Энгельса, где говорится, что не то или иное представление о социальной справедливости устраивает жизнь. Энгельс напоминает, что еще Фома Мюнцер провозгласил социальное равенство. Жизнь течет и оттого, что в мозгу какого-нибудь человека правильные представления, жизнь не изменится. Марксизм, может быть, сознательно разрывает со всякой этикой, этическим обоснованием практической философии. Энгельс свидетельствует, что некогда Карл Маркс не обосновывал свое положение этически. Впрочем, если вы почитаете коллективный труд Маркса и Энгельса «Sanct Marx», вы убедитесь, что Энгельс правильно говорил о Марксе. Но кто же марксисты? В самом деле, люди, порвавшие с этикой.

Маркс ни слова не говорит о нравственности, но является безмерным гигантом нравственности, гигантом — перед которым многие — жалкие болтуны нравственности. А между тем и до сих пор Церковь не выявила своего отношения к этому строительству, Церковь не сказала своего слова правды. Один седой человек покачал сейчас головой, ему не нравится, что я говорю; но тогда ему не понравится Киприан Карфагенский и Иоанн Златоуст. Вспомните отцов Церкви, подлинную христианскую традицию, что сказано там: — «всякий богач вор», — слова Василия Великого. Иоанн Златоуст говорит — нужно бегать собственности больше, чем от меча разбойника.

Но мир пошел за папами и архиепископами, а не за Апостолами и отцами. Нам нужно отвернуться от пап, которые ведут служить мир капиталу, а не Богу.

Мы переживаем сейчас минуты исключительной исторической важности, когда мир может услышать от Церкви — грех эта неправда, Христос не освящает этого зла, Христос — распятый первосвященниками и ныне распинается этими первосвященниками. Я полагаю, что нравственная, религиозная обязанность засвидетельствовать, что капитализм есть смертный грех, что здесь оскверняются все основы Евангелия. Капитализм хуже, чем блуд, за который 7 лет не допускаем к причастию: блуд оскверняет двух, капитализм — всех.

Я перехожу теперь ближе к нам, русским и нашему правительству.

Вы почувствовали правду этой революции, но тихоновская Церковь вся сплошь строилась на ненависти. Стяжать себе венец мученичества, пасть, сраженным пулей красноармейца — вот мечта «идейного» тихоновца. Здесь — провоцирование мученичества.

И вот, сказать, что Тихоновская Церковь не права, осудить ее за это — наш священнейший религиозный долг.

Русская церковь должна знать, что два бывают государства — государство Пуанкаре и государство Ленина, потому что Пуанкаре, который имеет кадры изящных французов и черных негров, государство Пуанкаре, которое имеет тонких философов, вроде Берге, направляет всю свою мощь, хитрость, подлость, чтобы утвердить в мире во веки неправду, в котором все построено на принципе — люди не братья.

Что же, Церковь Господня, которая благословила весь аппарат государственности, когда он служил угнетению, — Церковь Господня знает, что государство Ленина не есть, скажем, государство Пуанкаре, утверждающее общее неравенство. Советское государство стремится к безгосударственности. Если есть советское государство, то только для того, чтобы государство со временем сдать в археологический музей, как говорили основатели марксизма.

Наше обновленческое движение, не отходя от Христа, не нарушая веры — открыто, перед всем миром свидетельствует, что только в России и есть активный принцип разрешения социального зла и что каждый честный церковник и христианин, желающий блага родной стране, не может сказать — отойду, а искренне пойдет и будет работать вместе с ними.

Мои братья и сестры! В том, что я сейчас сказал мое, личное и всех нас оправданье за нашу политическую платформу. Церковь имеет право с высоты надмирной, религиозно-нравственной, производить оценку происходящего. Мы взвешиваем советское строительство, принципы правды его, на весах вечности и говорим: здесь подлинное зло, его приобретайте, его защищайте, работайте, чтобы было больше его, чтобы было братство и равенство.

— Наша оправдательная речь. Судите. Если осудите, все равно, я не кощунствую, когда говорю — нас Христос благословил. Осудите — Он все равно благословит.

Теперь я перехожу к другому — к той Церкви, или, вернее, к той церковности (ибо Церковь едина), церковной политике, которую вели последние годы вожди, от которых мы отошли навсегда. Я говорю о Церкви патриарха Тихона. Но прежде, чем говорить о Церкви патриарха Тихона, я должен сказать о Церкви Романовых, ибо плоть от плоти, кровь от крови и кость от кости, Церковь Тихона — Церковь Романовых. Нужно ли давать общую картину, ведь вы сами были зрителями этой картины и — увы! — персонажами этой картины. Церковь служила не Христу, а царю. Переверните ваши кресты восьмиконечные и четырехконечные и вы прочтете имена императоров Павла I и Николая II. За усердие к Христу можно сподобиться благоволения царя. «Крайний судья» — так называется царь в Своде Законов. Крайний судья, перед которым трепещут Серафимы, закрывают свои очи. Возьмите наши богослужебные книги — я не кощунствую, я оскорблен за святых — и вы увидите в литургии имя Христово и Святой Троицы написано простым шрифтом, а как только доходит до «благочестивейшего, самодержавнейшего», буквы в священном трепете как-то вдруг расширяются.

Самарин в одном из своих писем говорит, что церковь приравнена к ведомству путей сообщения. Он пишет: «Вот, просматривая в этом году верноподданнические отчеты, которые представляли министры государю, я возмутился до глубины души: ведомство православного исповедания поставлено рядом с ведомством путей сообщения». Это стало до такой степени привычно, что в официальных отчетах, которые читал весь мир, наше ведомство приравнивается к ведомству земных путей сообщения. Трудно перечислить весь тот ужас системы, которую самодержавие выработало веками, чтобы держать Церковь в плену и с нею вместе народ.

Когда-то в России Паисий Лигарид, епископ греческий, сказал: «для спасения России нужны, во-первых, школы, во-вторых, — школы, и в-третьих, школы». Так было в Московской Руси. — В наши почти дни Победоносцев, профессор, доктор гражданского права, сказал: «ваше величество, народу не нужны школы». Народ держали в дурмане религиозного непонимания, народное сознание фиксировали на кощунственном утверждении, что Бог и царь неразрывно, вечно связаны между собой. Недаром перед самой революцией один из тончайших русских богословских умов, П. А. Флоренский, печатно говорил, что необходимо объявить самодержавие догматом Церкви. Христос-Бог — догмат Церкви. Ничего не может быть на земле, кроме царя — догмат. Вот заостренные религиозного сознания. Царь делал в Церкви все, что хотел. Духовенство было развращено системой наград. Петр, когда установил свою знаменитую табель о рангах, быть может, сам не сознавал тогда, какую службу сослужил самодержавию, — когда оказалось, что митрополит равен генералу полному от кавалерии, когда епископ был равен генерал-майору, а священник был несколько не меньше полковника. Эта развращающаяся система наград загипнотизировала Церковь, так что, при всем понимании этой психологии, останавливаясь в каком-то оцепенении, непонимании. Когда я бываю в музее б. Александра III в Петрограде, и вижу картину — епископ Псковский Иринарх с генерал-адъютантскими аксельбантами, пожалованные ему императором Павлом, — я останавливаюсь с ужасом. Уродливо? Да. Но вот эта уродливость сифилистического гнойника прогнившего самодержавия, — простите мне грубое слово, отравила жизнь церковного аппарата. Разве не так, разве разговор, бывший не за долго до свержения самодержавия, когда обсуждался вопрос об одном недостойном епископе, не свидетельствует об этом? Когда Антоний Храповицкий стал возражать против него, то Саблер сказал ему: «этого желают в Царском Селе». Тогда Храповицкий воскликнул — (это не выдумка, а историческая фраза, мною недавно проверенная),

«что же Вы раньше не сказали! Если в Царском Селе пожелают, мы и черного борово поставим в митрополиты».

Эта преступная, прелюбодейная связь между Церковью и государством казалась уделом вечности. И когда зашаталась трона самодержавия—Церковь испугалась. Впервые испуг Церкви почувствовался тогда, когда Александр II был взорван бомбой и по всем церквам читались молитвы — утвердить самодержавие во веки веков.

Нитками вечности епископы хотели заплатать распадающееся, прогнившее самодержавие. Но нитки вечности оказались нитками только архиерейскими.

Вспоминаете ли вы ту особенную психологическую настроенность, — настроенность борьбы, которая владела церковью не за долго до свержения самодержавия. Чувствовалось, что самодержавие рухнет, чувствовался кризис. Все эти подложные телеграммы, делегации, которые посылались от вымышленных рабочих организаций, — все эти инсценировки не помогли самодержавию. Самодержавие зашаталось... и испугалась Церковь. Был один протоиерей, он сейчас в Петрограде, кончивший Оксфордский Университет, который говорил, что связь между Церковью и государством благотворна для Церкви, что все надо сделать, чтобы не порвать этой связи. Рука Божия листает страницы истории так, как ей надо и пишет на них то, что ей надо. И напрасно молилась Церковь — самодержавие во веки веков. — Рухнуло самодержавие. Я когда думаю об этом падении самодержавия, которое держалось века, я всегда вспоминаю пир Валтасара. Помните, он, восточный деспот, упоенный победами, созывает вельмож, и пир во славу Валтасара творится в золоченых чертогах. Царство Валтасара выше царств земных, его владычество превыше всех, — и пьет вино и веселится Валтасар. И в эту минуту, на белой стене появилась рука и написала огненными письменами: «мене—мене, текел, упарсин». Испугался царь и колени задрожали. И когда пришли переводчики и прочли — узнал царь: «царство твое взвешено и найдено слишком легким».

Когда торжествовали 300-летний юбилей Романовых под церковный трезвон колоколов—в это время уже белела стена, хотя не была еще видна эта мистическая рука. На белой стене 27-го февраля написала история Божий приговор, и рухнул трон самодержавия. И не было тогда большей трагедии, чем трагедия Церкви.

Лучше всего об этом можно судить по разговору, который был между архиепископом Арсением и одним протоиереем, который прибежал испуганный и спрашивает, что делать? «Не знаю, что хотите», отвечают ему. Не знает Церковь, что ей теперь делать, — теперь, когда нет царя. Ну, а Христос, Его правда, ты этого не знаешь?! — Не знаю.

Тогда в Церкви встали немногие молодые неопытные люди, о которых говорили худо враги церковной свободы. Они сказали, что теперь для Церкви — благословенное время, время исполнить свой подвиг. В Петрограде, в квартире у прот. М. С. Попова собирается пять или шесть церковников, из них здесь присутствующий Скобелев и ваш покорный слуга. На следующий день к нам приходят: Боярский, Раевский, и мы устраиваем «Демократический союз духовенства и мирян», в который вошли все лучшие молодые силы.

Заря загорелась. Официальная церковность, как будто, тоже скрылась. Тогдашний обер-прокурор Синода, Львов, был один из первых членов нашего Союза.

Еще молодые, неопытные, мы приветствовали революцию, мы распространяли свои убогие брошюры, наша душа пела пасхальные весенние гимны. Революция — осуществление правды!

Весна всегда бывает коротка... Скоро церковные люди, растерявшиеся, увидели, что не все еще потеряно. Чем бестолковее идет Керенский, этот жалкий адвокат и еще менее удачный министр, — тем лучше для них. Царя нет, но осталась царская Россия. Надо собрать эту царскую Россию воедино. Либеральный Святейший Синод так, на глазах, стал таять в своей либеральности. Когда Филоненко хотел произвести реформу — ввести штатские платья, — она была отвергнута.

Когда летом 1917 г. показалось, что развал Керенского идет с каждым шагом crescendo — надо спасать Церковь, Россию, говорили самые из них авторитетные.

Собирается Собор 1917 г. — первый Собор, о котором было столько чаяний, первый Собор, о котором столько было молитв.

Если вы почитаете тот указ Св. Синода, то вы увидите, что Собору уже даются политические директивы.

Пышно открывается Собор, не так, как у нас. Торжественно, под звон московских колоколов, у святынь Кремля лучшие сыны Церкви, как казалось тогда, стекались туда. На нем присутствуют кадеты, с.-р., сам Керенский, удостоивший посетить на пять минут литургию. При лучших предзнаменованиях открываются великие тайнодействия.

На другой день, 16-го августа, как мы вчера здесь слышали, Собор заслуживает приветствия всевозможных организаций. О! как не похожи они на наши приветствия.

Когда читаешь стенограммы, изданные самим Собором, тогда только отчетливо представляешь себе, как, для чего и кем был создан Собор.

Выходит Руднев и говорит, что с.-р. возлагают все надежды на этот Собор. Дальше выходят представители армии и флота, они надеются, как об этом свидетельствует главнокомандующий, что Собор заставит солдата своими молитвами вернее брать прицел, вернее проливать кровь и убивать немца. Встают офицеры армии и флота и просят помнить, что офицерство будет проводить в жизнь оружием—револьверами и кортиками постановления Собора. После этого Собор посылает телеграмму Алексееву, чтобы восполнить скудость генеральского ума молитвой Собора. Идет Собор. Не буду говорить о его осенних заседаниях — это глухая борьба с правительством Керенского. Когда читаешь эти протоколы Собора — скукой веет от них. Ждали власти настоящей, но не та, которую ждали, пришла. Тут малокровные церковники разогревают свою кровь до температуры политического кипения. Осень, между прочим, была посвящена вопросу—утверждать патриаршество или нет. Были идейные защитники патриаршества, были противники, как прот. Иваницкий и др., которые протестовали против патриархата. Но патриарх может быть национальным центром, говорили первые. Восстановление патриаршества — абсурд, если нет царя, ибо патриарх силен царем. Конечно, я лично полагаю неизвестно, было ли бы восстановлено патриаршество, но—октябрь... Рвутся снаряды—испугана душа и сердце. Я вспоминаю здесь, как некогда тут же, в Москве, совещался Неронов с Аввакумом о новшествах. «Сердце озябло и ноги задрожали». И вот, тогда, в октябре, по мере того, как накалялся воздух от обстрелов Кремля, холодело сердце реакционных архиепископов. И вот, в организм Церкви, лишенный своей души—самодержавия, вспрыскивают надежды на то, что Керенского заменит царь, — вспрыскивают патриархат. В сумбурном, спешном заседании восстанавливается патриаршество: патриарх все спасет! Доктору психиатру, специальному по гипнозу, нужно читать эти страницы, чтобы видеть, как проявляется коллективный гипноз. Патриаршество восстанавливается. Кто будет патриархом — вот второй вопрос, который стал перед церковниками. Много епископов. Кого избрать? В конце концов выдвигается целый ряд имен, но первые три имени следующие: Антоний Храповицкий, Арсений Стадницкий Новгородский и Тихон Белавин.

Разные люди; необходимо произвести их оценку. Впереди всех их, несомненно, Антоний, стяжавший в молодости славу Алеши Карамазова, но потом сменявший на другую славу, человек одаренный, оратор, талантлив бесспорно. Хорошо. Дальше идет Арсений, человек, лишенный внешней такой талантливости и блеска, человек тяжеловесный, румын. Он историк, в самом деле, серьезный ученый. И, наконец, Тихон, не имевший ни славы оратора, как первый, ни славы ученого, как Арсений. Эти три имени можно поставить рядом — их сближают их политические убеждения. Антоний, сказавший, что и борово можно поставить во епископы, превращал храмы в свинарники, ибо, когда в храме я вижу лик Господен и рядом с ним стяг союза русского народа, я говорю — святыня превращалась в хлев.

Антоний, который был одним из самых ярких реакционеров, который в воскресения произносил антисемитические проповеди, разгромивший Киевскую Духовную Академию, Антоний, организовавший со своими архимандритами в Лавре штаб реакции, Антоний, изгнавший Экземплярского за ересь, Антоний подходит, конечно, на роль восстановителя русской самодержавности. Антоний—член правого крыла Государственного Совета.

Патриарх Тихон—Тихон был деятелем союза русского народа. Одна Виленская союзница, если мне не изменяет память, Кандаурова, писала: «никто, владыко, не сделал так много для нашего союза русского народа, как вы».

Итак, с политической точки зрения, активные члены союза русского народа вполне пригодны для того церковного политического поста министра восстановления царской России, которым должен быть патриарх. Но судьба была неизвестна соборникам, кому выпадет этот портфель. Надо решить вопрос — кого же из трех? Задумались соборяне. Я тут недели три тому назад беседовал с митрополитом Евдокимом. Он говорит, что на Соборе епископы решили, что нужно избрать патриарха так же, как во времена апостолов — жребием. Евдоким тогда протестовал, сказав: не нужно, лучше скажите честно и прямо — среди нас нет апостолов. Но отцы полагали, что они апостолы и следует поступить по апостольски и вытащили из молитвенной тиши старца Алексия, который вытащил жребий Тихону. Так стал он патриарх.

Тихон — личность бесцветная, был менее всего ожидан, но судьбе было так угодно. В его свите будут испытанные борцы — князь Трубецкой, гр. Олсуфьев, кн. Чагодаев, кадет Астров, Апраксин, ген. Артамонов и прочие высокие военные и гражданские чины. Тихона сажают три раза на престол и начинаются новые страницы взаимоотношений между церковью и революцией.

Читайте пожалуйста то задание, которое было предложено патриарху. Я сейчас в мозгу своем читаю сотни мною прочитанных документов, которых прочесть сейчас не могу и получается полная картина. Царь рухнул — Россия осталась. Нужно ее скрепить, собрать ее, пока придет новый царь, — большевики ведь временно. Так. Надо Тихону выступать. Как? В это время Рождественский перерыв. Рождество. Вспомните этот чудный праздник Рождества, вызывающий воспоминания детства. Христос, рождающийся в яслях, тихо горящая звезда там, на далеком Вифлеемском небе. Ангелы, радостно с небес поющие «слава в вышних Богу»... Все священники, конечно, и в это Рождество питали свою душу этим религиозным сокровищем, тоже слушали, что небо пело. Слушал и Тихон... Есть физический закон, самый простой: угол падения равен углу отражения. В скором времени Церковь и мир услышали, — какое эхо прозвучало в душе Тихона. После того, как он слышал ангельские песни о мире на земле, 19-го января Тихон издает знаменитую грамоту, в которой проклинает советскую власть:

Проклятие — вот то эхо, которое раздалось из уст Тихона — служителя Христа, родившегося на земле. Это Рождество Христово родило в сердцах тупую, слепую ненависть к большевикам.

20 января 1918 г. Священный Собор Православной Российской Церкви снова собирается, и вот мы читаем Деяние 66-е.

В текущих делах заслушивается послание Тихона.

Тихон встречает восторженное приветствие Соборян. Его приветствует Олсуфьев, Трубецкой. По его мысли, Собор принимает воззвание по поводу декрета о свободе совести.

Я вас спрашиваю, что это такое, как в буквальном смысле не погромные воззвания. Так они и были поняты. Здесь прямо говорится о пролитии крови. Так верующие и поняли и, прежде всего, Восторгов, который говорил о декрете Тихона. Здесь он совершенно определенно требует идти с молитвенными песнопениями на мученичество и страдание: «объединяйтесь же, православные, около своих храмов, пастырей, объединяйтесь все, и мужчины и женщины, и старые и малые, составляйте союзы для защиты наших заветных святынь. Эти святыни — ваше достояние. Ваши благочестивые предки и вы создали и украсили храмы Божии и святые обители и посветили это имущество Богу. Священнослужители при них — только духовная стража, которой святыня эта вверена на хранение. Пришло время, когда и вы, православные, должны обратиться в неусыпных ее защитников и стражей, ибо «правители народные» хотят отнять у народа это Божие достояние, даже не спрашивая вас, как вы к этому относитесь. Оберегайте же и защищайте веками созданное лучшее украшение земли русской — храмы Божии, не попустите совершиться этому страшному святотатству. Если бы это совершилось, то ведь Русь святая, православная обратилась бы в землю антихристову, в пустыню духовную, в которой смерть лучше жизни. Громко заявляйте всем, забывшим Бога и совесть и на деле показывайте, что вы вняли голосу отца и вождя своего духовного, святейшего патриарха Тихона. В особом послании он зовет вас последовать за собой, идти на подвиг страдания в защиту святынь, повинувшись гласу Апостола: «Вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него». (Фил. 1—29). Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание.

Мужайся же, Русь святая! Иди на свою Голгофу! С тобою крест святой, оружие непобедимое. На помощь тебе притекут невидимо Матерь Божия, Пресвятая Богородица — стена нерушимая, заступница усердная рода христианского, умягчающая сердца всех злых людей. С тобою воинство небесное, ревнители славы Божией. С тобою все святые, вместе с псалмопевцем Давидом, сладкозвучно воспевшим красоту селения славы Божией, взывающие: Господи, ревность о доме твоём снедает нас (псал. 68—10). А глава Церкви — Христос Спаситель вещает каждому из нас: «буди верен до смерти — и дам ти венец живота». (Ап. 2—10).

Декрет Тихона, как известно, по статистическим данным, вызвал 1.414 кровавых эксцессов. Православные вели борьбу с красноармейцами для того, чтобы не было в России свободы совести.

Я тут предварительно спрашиваю, что скажет святейший патриарх Тихон об этой крови, что пролита в 1.414 местах по его указу? Кровь пролилась, — а большевики остались. Тогда Церковь измышляет дальше. Вот почитайте эту любопытную

книгу — 6-я книга Деяний Собора, вып. I. Там вы найдете целый ряд любопытнейших страниц. Если бы наверху странички не было надписи «Деяния Собора», можно было бы подумать, что это заседания какой-нибудь национальной белогвардейской организации. Но эти деяния Священного Собора — начались молитвой и кончились молитвой.

Священники и миряне придумывали разные стратегические ходы. Любопытны были эпизоды весенней борьбы, где сражаются за мученический венец славы. И вот, священники, епископы, наускивающие верующих на большевиков, сами на венец мученичества не ходили. Вы думаете, не допустили? — Ничего подобного. Собор убеждает, что духовенству не нужно исповедничество Христа, что его мало, пусть лучше миряне идут. Миряне запротестовали. Тогда вышел ген. Артамонов. Это любопытнейший человек, залечивавший раны самолюбия в церковной санатории. И вот этот храбрый генерал говорил на основании военного опыта, что мужчины не всегда надежная сила, что лучше женщин пустить. Женщины не протестовали, их на Соборе не было, и много женской крови было пролито. Вы смеетесь? — Я рыдать готов, ведь это Церковь наша. Ну, что же, большевики все сидели — и женщины не помогли. Собор раз'езжается на пасхальные вакации и с'езжается весной. Надо сказать, что перед этим Тихон, вместе со своим штабом, выработал ячейки борьбы с большевиками — братства. Самое деятельное общество было Петербургское общество приходских советов. Оно вздумало привезти Тихона в Петербург, собрало деньги, чтобы Тихона в отдельном вагоне везти. Была устроена вооруженная охрана, — ну-с, словом, разыгран религиозный театр, недаром заведывающий хозяйственной частью был известный режиссер Александровского театра Евреинов. Приезжает Тихон. Никакого народного восторга. Звонили у Исакия пудовые колокола — престольный был праздник — и пустовал наполовину храм. Пышные были митры, все сплошь из драгоценных камней, — сапфиров и жемчугов, — а души были пусты, ничто в них не горело. Я видел унылые лица, я слышал пламенные речи, стремившихся исполнить народ патриархических чувств. Народ безмолствовал. Был крестный ход — и та же скука, отсутствие под'ема. На следующей комедии я не хотел присутствовать. Говорили, что потом было внешне великолепно. Тогда Собор решает разойтись и расходится к осени 1918 г. Тихон остается и продолжает один вести то, что было предписано ему Собором. А собор дал определенную политическую платформу.

Я удивляюсь долготерпению советской власти. Открыто церковники звали на возмущение — государство терпело, государство проявило максимум снисходительности, как будто, оно хотело показать кто вы, изживите себя. Стало видно, что Церковь не может образумиться и Собор принимает новые постановления, направленные против Советской власти: читайте августовские декреты Собора 1918 г., где всякий, признающий декрет об отделении Церкви от государства, объявляется предателем и предается анафеме. Да, имейте в виду, что мы с вами еще прокляты, мы признаем советскую власть и только Собор может снять эту анафему.

Оказалось, что Церковь не хочет образумиться. Тогда в связи с теми политическими последствиями, которые имели место после убийства Урицкого и Володарского, — Церковь почувствовала, что государство есть, что государство работает. Но и почувствовав руку государства, Церковь не смирилась, она лишь меняет тактику. Знаете, что на войне бывают разные методы сокрушения противника. Вспомните, как брался Верден — медленной осадой; по внешности была только перестрелка, но там, под землей, кроты продолжали рыть свои норы. Так и здесь. Тихон не пишет воззваний, Тихон начинает подкапываться. Как?

Отцы и братья, прежде всего, я не хочу, что бы вы сказали вслух то, что вы ответите в душе. Ведь почти каждый церковно-приходский праздник — это были разговоры о свержении большевиков. Там, за Трапезой Христовой, объединялись люди, которые не Христа любили, а большевиков ненавидели. Церковное ли это дело? Конечно, не церковное дело, за которое всякая государственная власть имеет право привести к повиновению. Но и здесь обратите внимание на долготерпение советской власти. Бог знает, во что вылился бы этот процесс, — одно только известно, что реакция политическая стала чувствовать себя на Самотеке очень крепко. Мы, немногие обновленцы, стали чувствовать себя задушенными; мы отводили свою душу в том, чтобы обновить богослужебную жизнь. Боже мой, я смотрю теперь, какую мы делаем невинность, какие незначительные новшества хотели ввести! И в этих проблесках душа все-таки жила, верилось, что правда есть, — правда вечная. Эти богослужебные новшеские настроения стали тревожить Тихона. Тихон решается их удушить и пишет епископ Петр Полянский — бывший чиновник — декрет, что необходимо все богослужебные новшества

прекратить, если же буде какой священник не захочет, то действовать на него вплоть до благочинного. Когда в Петербург приехал этот декрет, я с А. И. Боярским и Раевским были в состоянии, когда не знаешь, что делать. Боярский говорил, что идет за штат, я говорил, что надо бороться. Мы совершаем революционный шаг: мы возьмем записку митрополиту Вениамину. Когда заявляем, что не подчинимся этой записке, то было созвано общепастырское собрание, и все, кроме вашего покорного слуги, голосовали за этот декрет. Надо принять. Жуткое было настроение. Убивалась живая жизнь.

Бог, Который бодрствует над судьбами Церкви, знал времена и сроки. Когда оскудела наша энергия, Господь дал силы. Еще летом стали проникать тревожные известия о том, что нужно помогать голодным. Родственные души имеют родственные сознания, и одновременно, у меня и А. И. Боярского возникла мысль отдать все ценности, все, что можешь. От слов перешли к делу. Мною было написано в газете письмо. Голод креп, рос. Кошмар навис над сознанием человека.

Испытывали ли вы когданибудь ужас, муки за родного, которому нельзя помочь? Ах, здесь ему и врач не помогает, — он умирает. Вы все стояли у одра в ту минуту, если бы сказали — руку отрежь, лучше будет, что бы вы сделали?

Братья и сестры! В то время умирали наши братья и сестры. Что надо было сделать матери Церкви? — Душу продать, отдать нитку последнюю, только помочь. А из Москвы декрет — кто будет помогать умирающему, голодающему, если священник, будет лишен сана, если мирянин — отлучен от Церкви.

Помните? это было...

И тогда... тогда мы восстали, тогда было больше нельзя молчать. Тогда молчать значило в буквальном смысле уйти от Христа. Надо было выбирать — или Христа или Тихона. Можно ли было выбирать?!

Является массовый протест против Тихона — не пойдем за тобой, пойдем за Христом, нет таких канонов, что бы не помогать голодным.

Когда в Петербурге 12 священников протестовали против этой неправды Тихона, уже тогда рухнул Тихон.

Я обнажил вам свою душу. Дальше я буду говорить спокойнее.

В это же приблизительно, время (в мае) мы приехали из Петербурга в Москву. Здесь к нам присоединились некоторые священники Московские — Борисов, Калиновский и др. Мы составили единую группу, которая добилась аудиенции у Тихона и сказали то, что сказали. Тихон ушел. Надо было организовывать Высшее Церковное Управление.

Церковные люди мучились, канонично оно или нет. Не канонично! Что же, проклянете?! Господь благословит. Когда-то от Христа отошли патриархи вселенские, в ересь впали. Тогда дьякон Афанасий Александрийский крикнул: идите за Христом! И за дьяконом пошла Церковь против патриархов. Когда весной прошлого года рядовой русский священник крикнул — за Христом идите, — рухнул Тихон. Прокляните нас за это. Мы стоим перед вами, как подсудимые, но не опускаем главы, потому что чиста наша совесть. Если бы пошли за Тихоном, отошли бы от Христа. Собор будет сейчас судьей. Я заранее знаю, что Собор будет судьей милостивым, не потому что разжалобил я, но потому что милостива правда.

У нас бывают партийные счета, — забудем их раз навсегда! Мы собраны здесь Духом Святым благословить обновленческое движение, Высшее Церковное Управление вызванное жизнью, которая выше тихоновских канонов, а патриарха Тихона и извергнуть из сана. (Возгласы: правильно!) Так высказалось собрание группы Живая Церковь, Союза Общин Древле-Апостольской Церкви и Союза Возрождения и Собор всех епископов, здесь присутствующих. Я знаю, многим церковным людям, в особенности находящимся за пределами этой залы, этот акт представляется нехристианским, актом сведения личных счетов, актом мести. Не правда. Кто Тихон? — Он человек. Как человека, его будет судить Бог. Но он и церковный вождь — вождь всех нас. Мы не случайное сборище прогрессивных батюшек, а Собор Церковный. Мы в праве высказать свое суждение о любом Члене Собора. Тут выбор. Либо за Тихоном, либо за Златоустом, Павлом и Самим Господом! А если Тихон ваш вождь, — идите и требуйте той же кары для себя; если он мученик, умирайте с ним, а не срывайте головы другим, если исповедуют правду. Если он не вождь, — имейте мужество сказать — не вождь (голоса: верно).

Я не сомневаюсь в том, что Собор, извергая Тихона из сана, сделает это со спокойной совестью, что это не акт мести, а суд Божий, действующий через наше недостойнство. Ибо я верю, что эти мысли мне внушает Святой Дух.

Я кончаю свою речь. Тут выступят после меня мудрые и ученые. Я меньший из братьев. Если я выступил первый, может быть, потому, что у меня наболела душа. Это душа не Александра Введенского, — это душа нас с вами, отцы и братья, это душа тех, кто послал нас сюда. Изболелись души наши...

Я полагал бы, что, лишая Тихона сана, мы отвергнем и самый институт патриаршества и вернемся к коллегиальным формам. Как это будет конкретно, мы решим в одном из следующих заседаний, но было бы в высшей степени важно принципиально отменить институт патриаршества (возгласы: правильно!)

Итак, новая жизнь загорается. Пасха у нас в душе. Церковь воскреснет. Вы сейчас вашими возгласами, как в пасхальную ночь кликами «Христос Воскресе», рождаете радость.

Церковь приветствует власть рабочих и крестьян, она хочет полноты правды. Мы не губим Церковь, мы любим ее, мы снимаем анафему. Мы говорим: да не будет ненависти, неправды, злобы.

Если так, то да благословит нас Бог на новую жизнь, на всякую работу во имя Христа. И воскреснет Христос и правда Божия — и Церковь древняя, вечная, миру покажет свою красоту!

Христос Воскресе!

(Возгласы: Воистину Воскресе!)

Митрополит Петр. Слово предоставляется о. прот. Красницкому (голоса: перерыв! перерыв!!). Если Члены Собора находят доклад серьезным, то делать перерыва не должны, пока не подтвердим определенным актом свое отношение и не вынесем определенного решения о патр. Тихоне (голоса: правильно).

Прот. В. Д. Красницкий. Богомудрые архиереи и досточтимое Собрание, Члены Священного Собора!

Ровно год тому назад, в пятницу на этой же неделе, четыре священника и один псаломщик, ночью, в 11 час. ночи, явились перед бывш. патриархом Тихонов на Троицкое Подворье предложить ему изменить направление политики прежнего Церковного Управления и передать Управление Церкви другому лицу. Должен сказать, что, когда в эту ночь, мы, робкие и обыкновенные священники, подходили к Троицкому Подворью, у нас, естественно был большой страх за то дело, которое мы взяли на себя.

В начале мая месяца, здесь, в Москве, начался большой, грозный процесс Московских церковников за сопротивление по изъятию церковных ценностей. В результате этого процесса, 11 человек были осуждены на смертную казнь. Совершенно неожиданно присутствуя в Москве на этом процессе, воочию пришлось пережить тот грозный страх, который надвинулся над нашей Церковью.

Я помню тот день, когда перед трибуналом был вызван Тихон и когда ему был предложен основной серьезный вопрос — были ли обязаны священники это послание читать и были ли обязаны его исполнять. И вот я помню, как замер в тот момент весь зал и ждал ответа... И патриарх Тихон сказал — могли не и исполнять». Эти слова были смертным приговором для наших собратьев. Прокурорское слово гласило: «вы лжете, вы могли не исполнять этого приказа, вы являетесь ответственными виновниками и подлежат тяжкой каре!».

В эту ночь патриарх Тихон в самый ответственный момент отступил от своего слова и предал своих братьев. Я помню тот день, когда напряженная толпа ждала вынесения этого приговора. И для каждого из нас, кто скольконибудь внимательно относился к событиям, стал глубочайший вопрос о том, как помочь осужденным братьям. Мы искали разные пути, и эти пути не приводили ни к чему. И вот, в среду, в 6 час. вечера, в келье митрополита Антонина, четыре священника и один псаломщик собрались для того, чтобы найти выход из создавшегося положения. Патриарх арестован, на Троицком Подворье стал военный караул. И вот, ночью явились мы перед патр. Тихоном и просили его, указывая на церковную разруху, на те страшные потрясения, которые переживает Церковь, на реальную невозможность его управления, — уйти с этого ответственного поста. И патр. Тихон перед этим требованием законной справедливости уступил и ушел. Мы видим, что в ту ночь мы были правы и в вашем лице, в настоящем Священном Соборе мы видим определенное одобрение своих действий.

Верующие не виноваты в той политике, в той контрреволюционной деятельности, которую вели высшие представители нашей Церкви. Православные верующие, выйдя из народных низов, неся тяжесть капиталистического гнета, в наших церковных кругах найдут верных служителей, искренне принимающих правду социальной революции. Мы здесь сейчас стоим на переломе нашей церковной истории. Вспомните 200 лет синодального периода — это было эксплуатирование религиозных чувств массы верующих.

Не могу бросить вину на всю Церковь, как делает это А. И. Введенский.

Митрополит Петр. Прошу оратора говорить объективно, не касаясь личностей.

Прот. В. Д. Красницкий. Я говорю, что вина в этом не всей Церкви, нет, но вина за эксплуатацию души народной, она лежит на том классе, который за это жил. 200 лет синодального режима, аппарат Свят. Синода, он давил религиозную душу народную, он отразился и на нас, священниках. И когда оказалось, что вся эта система эксплуатации религиозного чувства, зашаталась, то Члены правящего Синода пытались укрепить прежний строй учреждением патриархата. Собравшиеся на том Поместном Соборе представители крупного иностранного капитала утверждают патриарха.

Мы видим, 5 лет прошло и мы должны подойти к этому вопросу — к вопросу церковного управления. Мы видим, в течение этих лет, тот же самый гнет над духовенством, который был, мы видим теперь, что тот же самый результат продолжения синодального управления привел к 1.414 кровавым эксцессам. Верующие не виноваты в этом, масса духовенства, которая вынуждена была это делать, выполняя волю людей, державших аппарат управления, также не виновата.

В этом, отцы и братья, осуждение патриархата, в том, что это есть орудие закабаления верующих. Необходимо устранение института патриаршества совершенно. Надо дать выход свободно верующему народу в великом Христовом делании на спасение всех людей. Я считаю, что эти монархические замашки могут обрушиться и настоящим Собором надо им положить конец.

Теперь переходим к личности патр. Тихона. Виновен ли он? — Определенно и ясно виновен. Виновен в том, что, пользуясь своим священным саном и уважением, он этот авторитет употреблял на службу иностранному капиталу. Ибо факт, не подлежащий никакому сомнению, не только сдача церковных ценностей, но вспомните годы блокады, вспомните те нужды, тот голод, те несчастья, которые переживала наша Россия, переживали меньшие и беднейшие люди нашей страны, вспомните все эти 5 лет мучений и борьбы русского народа за свою свободу, — вспомните, что тогда голос высшего представителя Церкви — Тихона, был против народа. В этом — осуждение историей. Мы сейчас произнесем то, что история уже произнесла. И вот сейчас, осуждая это, мы должны судить и старое направление церковного управления и в частности, по отношению лично патриарха Тихона, который использовал свой авторитет, чтобы действовать против народа, его вина для меня настолько несомненна, она уже приобретает канонический характер. Революция совершилась и произнесла свой суд. Мы должны произнести свой суд — упразднение патриархата окончательно и лишение патриарха Тихона сана.

Митрополит Петр. В порядке очереди слово предоставляется митрополиту Антонину, который зачитает резолюцию об ответственности патр. Тихона.

Митрополит Антонин. Сейчас совершается суд истории над теми уродливостями, которые народились на нашей Церкви в связи с союзом православия с самодержавием.

Когда стало развиваться в Петрограде распутинство, я не раз, будучи тогда викарием Петроградского Митрополита Антония, в частной беседе высказывал свое возмущение и поднимал его на протест. Он мне неизменно отвечал — мы протестовать не можем. Вот это притупление чувства правды, духовное порабощение себя и превращение в простой аппарат светской власти, было основным грехом старой церковности.

Я в 1905 г. не побоялся стать государственным преступником. Таким образом, я еще в то время нравственно и фактически порвал связь со старой церковной психологией, вышел, как сказать, из рядов тогдашних епископов и оказался единственным в числе русских епископов. Вот почему нынешнее революционное церковное движение оказало мне честь, концентрируясь около моего имени. Я в сей ответственный час русской истории так же не хочу принять упрека в том, что мы, обновленцы, стараемся водрузить красный флаг над русской Церковью. Я не хочу так же прятаться за ваши спины и подать свой голос в общей массе. Я хочу принять и личную перед историей ответственность, ибо за протекшие 10 месяцев я принимал не мало горьких ударов и упреков и мне не хочется, когда уйду, чтобы мне в гроб история кидала камни. Я совершенно сознательно, как тогда, в 1905 г. превозмог и поднялся над психологией российского епископата, так и в 1921 г., когда лично против меня патр. Тихон предпринимал шаги и лично мне грозил удушением. И только механическое устранение патр. Тихона спасло меня, ибо тот самый епископ Петр Полянский проектировал запретить мне служение и патр. Тихон прислал мне предупреждение через архиеп. Иосифа, что если я себе позволю отступление, то против меня будут приняты меры.

Под моим председательством вчера заседал Собор епископов. Мы имели специальное суждение о деятельности патр. Тихона. Мое мнение, высказанное мною, сначала было принято в основу решения. Вот мое решение: лишение сана патр. Тихона за то, что он в силу своего морального авторитета направлял против народа и действиями своими наносил вред нашей Церкви.

Митрополит Петр. Сейчас зачитана будет секретарем Новиковым резолюция по докладу прот. Введенского. Кроме того, объявляется резолюция, или точнее, решение Собора епископов.

А. И. Новиков читает:

Решение собора епископов.

По бывшем суждении по делу патр. Тихона, Собор епископов пришел к единогласному решению, что патр. Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности: каре, лишения сана и звания патриарха за то, что направлял всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни, чем подвел под угрозу самое бытие Церкви.

Постановление 2-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви 1923 года.

Заслушав доклад прот. А. И. Введенского, Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви свидетельствует перед лицом Церкви и всего человечества, что сейчас весь мир распался на два класса: капиталистов-эксплоататоров и пролетариат, трудом и кровью которого капиталистический мир строит свое благополучие. Во всем мире лишь советское государство России вышло на борьбу с этим социальным злом. Христиане не могут быть равнодушными зрителями в этой борьбе. Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним — священной для христианина. В Советской власти Собор видит мирового вождя за братство, равенство и мир народов. Собор клеймит международную и отечественную контрреволюцию, осуждает ее всем своим религиозно-нравственным авторитетом.

Собор зовет каждого честного христианина — гражданина России единым фронтом под предводительством советского правительства выйти на борьбу с мировым злом, социальной неправдой. Священный Собор Православной Церкви 1923 г., обсудив положение Церкви за время революции, постановляет:

1. Начиная с лета 1917 г., ответственные церковные вожди стали на определенно контрреволюционную точку зрения. Церковь должна восстановить единство царской России — вот лозунг, которым начала жить Церковь (так тесно связанная до революции с царизмом). Собор 1917 г., состоявший, главным образом, из

представителей реакционного духовенства, а также крупного дворянства, собственников и членов реакционных политических партий, с самого начала стал определенным политическим, контрреволюционным сборищем, только прикрывавшем все эти деяния именем Христа Спасителя. Собор борется с революцией. Он не признает даже временного правительства, а после октября эта борьба доходит до совершенно невероятных размеров.

После Собора патр. Тихон продолжает контрреволюционную деятельность. Он делается вождем и знаменем всех противников советской власти. Он вводит Церковь в контрреволюционную борьбу.

Священный Собор Православной Церкви 1923 года осуждает контрреволюционную борьбу и ее методы — методы человеконенавистничества. В особенности Собор 1923 г. скорбит об анафематствовании Советской власти и всех, ее признающих. Собор объявляет анафематствование не имеющим никакой силы.

2. Собор 1923 г. осуждает всех тех, кто шел этим путем и других вел за собою. И, прежде всего, это касается ответственного руководителя всей церковной жизни — патр. Тихона, так как патр. Тихон, вместо подлинного служения Христу, служил контрреволюции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы,

за что Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов, сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение.

Отныне патриарх Тихон мирянин Василий Белавин.

3. Деятели обновленческого церковного движения разорвали с контрреволюцией и за это заслужили неодобрение всех реакционных церковников. Священный Собор 1923 г. объявляет все эти меры пресечения неимеющими никакой силы. Наоборот, Собор благословляет мужество этих людей и их преданности Церкви, которую они вырвали из рук контрреволюции и отдают единому Христу Спасителю.

4. Священный Собор призывает всех церковных людей бросить все попытки использовать Церковь в земных политических расчетах. Церковь принадлежит Богу и Ему Единому служить должна. Контрреволюции в Церкви не должно быть места. Советская власть не является гонительницей Церкви. Согласно конституции Советского государства, всем гражданам предоставляется подлинная религиозная свобода совести. Декрет об отделении Церкви от государства обеспечивает эту свободу. Свобода религиозной пропаганды наряду со свободой пропаганды антирелигиозных идей дает верующим возможность идейно отстаивать ценность своих чисто религиозных убеждений. Поэтому церковным людям нельзя видеть в советской власти — власть антихристову, наоборот, Собор обращает внимание, что советская власть государственными методами одна во всем мире имеет осуществить идеалы Царства Божия. Поэтому каждый верующий церковник не только должен быть честным гражданином, но и всемерно бороться вместе с советской властью за осуществление на земле идеалов Царства Божия.

5. Осуждая б. патриарха Тихона, как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстано-

вление патриаршества было актом определенно — политическим, контрреволюционным. Древняя Церковь не знала патриаршества, а управлялась соборно, поэтому Священный Собор настоящим отменяет восстановление патриаршества, — отныне Церковь должна управляться соборно.

6. Осуждая контрреволюцию в Церкви, карая ее вождей, отменяя самый институт патриаршества, признавая существующую власть, — Собор создает нормальные условия для мирного течения церковной жизни. Отныне вся церковная жизнь должна быть построена на двух началах: 1) в отношении к Богу — на подлинной преданности церковных людей подлинным Заветам Христа-Спасителя; 2) в отношении к государству — на принципе отделения Церкви от государства.

Основываясь на этих устоях, Церковь станет тем, чем должна быть, любовно-трудовым объединением верующих в Бога, Его Христа и Его Правду.

Митрополит Петр. Отцы и братья, члены Второго Всероссийского Церковного Священного Собора! Предыдущие доклады, как яркое солнце осветило нам ту пропасть, куда вели нас прежние церковные вожди. Поэтому разрешите поставить этот вопрос на голосование в части этих резолюций.

(Голоса: разрешите слово!).

Митрополит Петр. С места по регламенту запрещается. Я прошу вас остановиться. Прошу поднять руки, кто за резолюцию. Считает, кто поднял руки. Кто против? Один. Кто воздержался? Воздержавшихся пять. Вы видите, что большинство Членов Собора приемлет (голоса: приемлем). Я считаю, что резолюция Собором утверждается, и Члены Собора не желают идти в пропасть.

Объявляю перерыв до 8 час. веч., прошу встать на молитву.

После молитвы заседание закрывается в 5 час. 50 мин. вечера.

Вечером Собор заслушивает известный, уже опубликованный доклад проф. прот. Н. Г. Попова о второбрачии духовенства.

Голос церковной древности по вопросам современной русской церковной жизни.

Прискорбное состояние русской церковной жизни, в котором теперь кажется никто уже не сомневается, назревало давно и не какими-нибудь предыдущими десятилетиями, а целыми веками. Давно выяснялись не только частыми людьми, но и соборами (1503, 1667, 1917 гг.) и разнообразны причины этого. Их искали в общих условиях русской жизни, цезаропапизме, клерикализме, в несовершенстве воли отдельных представителей церкви и мн. другом, но редко обращали внимание на то, что важнейшей из причин всяких настроений в нашей церкви является пренебрежение ее руководителей уроками древне-вселенской церкви в понимании евангельского идеала церковной жизни. Поэтому теперь, когда передовая часть церковного общества ставит своей целью осуществление этого идеала в действительности, весьма поучительно вспомнить некоторые указания церковной древности, касающиеся наиболее острых вопросов нашей церковной жизни.

Но, прежде чем искать для себя поучительных уроков в церковной древности, предварительно посмотрим, чем конкретно характеризуется настоящее состояние русской церкви. — Безошибочно можно сказать, что она пребывает сейчас в состоянии глубоко — прискорбного разделения не имеющего, однако, под собой не только каких-либо догматических, но и канонических оснований, как это многократно всесторонне и выяснялось на страницах «Вестника Свящ. Синода». В то время, как следующие за Св. Синодом так называемые «обновленцы» любовно звали и зовут всех к совместному обсуждению вопросов и обстоятельств, связанных с указанным разделением, чтобы, по выяснении их, снова вернуться к мирной общей церковной жизни, сторонники б. п. Тихона и его многих «местоблюстителей» с их «заместителями» злобно объявляют обновленцев неправославными и безблагодатными за то лишь одно, что последние, приближая жизнь церковную к евангельским и подлинно-каноническим началам, от которых она давно отклонилась, дают в ней место усовершенствованиям, кажущимся только современным обскурантам недопустимыми новшествами. Отстаивая безусловную неизменность канонов, как вечечных норм церковной жизни, всячески культивируя показное христианство, возводя обрядность на степень догматов и принимая ее за существо церковной жизни, «тихоновцы» — ведением или неведением — мирятся не только с сомнительными, но и с явно неправославными положениями и измышлениями прежнего школьного богословия. Их, повидимому, никогда

не смущали, например, папистические суждения во «Введении в православное догматическое богословие» митрополита Макария (Булгакова), когда он говорит, что «непогрешимым свидетельством церкви касательно той или другой откровенной истины» служит «единодушное согласие в рассуждении этой истины всей церкви учащей¹⁾, за которым естественно должно (?) уже последовать согласие всех верующих»²⁾, как будто только одна иерархия является мерилем церковной истины, или — во всяком случае — сомнительное положение того же митрополита Макария, что Божество во Христе приняло в соединение с Собою человеческую природу без личности и что личность эту составила ипостась Сына Божия³⁾, как будто можно отделить личность от разумной природы. Наш известный и самобытный богослов — мыслитель Ал. Ст. Хомяков, которого преданные православию люди, склонны иногда причислять к учителям церкви⁴⁾, может быть, не без преувеличения но и не без оснований некогда писал: «Макарий провонял схоластикой... Стыдно будет, если иностранцы примут такую жалкую дребедень за выражение нашего православного богословия, хотя бы даже в современном его состоянии»⁵⁾. Однако, в своем «православии» при невыясненности понятия о нем во всем его объеме, окормляясь в лучшем случае только митрополитом Макарием (да и то — лишь по его «Руководству к изучению христианского православно-догматического богословия») или же лишь печальными воспоминаниями из катихизиса митр. Филарета⁶⁾, сторонники б. п. Тихона осмеливаются обвинять в неправославии, еретичестве, безблагодатности и проч. и проч.⁷⁾, всех тех, которые желают только очистить церковное сознание и жизнь от

¹⁾ Т.-е. иерархии.

²⁾ Спб., 1884. Стр. 376, § 133.

³⁾ Православно-догматическое богословие, т. III. Спб., 1851. Стр. 121—128.

⁴⁾ Бердяев Н. А. — Ал. С. Хомяков. М., 1912. Стр. 64.

⁵⁾ Хомяков Ал. С. — Собрание сочинений, т. VIII, изд. 1900 г., стр. 189.

⁶⁾ Где также есть положения, с научно богословной точки зрения не вполне приемлемые, как, например, указание на Мр. 6, 13, как на начало таинства елеосвящения, или на Мф. XIX, 21, как на основание для выделения высшей добродетели, полагаемой в совершенном нестяжании, как будто правильно деление добродетелей на низшие, высокие и высшие.

⁷⁾ См., напр., изданную Кубано-Черноморским Епарх. Управлением брошюру: «Все испытывайте, хорошего держитесь». Краснодар, 1926. Стр. 4—5, 15, 31.

наслоений, чуждых древне-вселенскому Преданию, отнюдь не изменяя при этом учению вселенской церкви, насколько отображается оно в свято-отеческих творениях. И столь враждебный образ действий в отношении к обновленцам проявляют, при своем Макарьевско-катехизическом «православии», как епископы, так и прочие клирики тихоновского направления, отчасти подлаживаясь к своекорыстным политическим вожделям главарей церковно-необразованной толпы, а отчасти не обладая умением и мужеством авторитетно разъяснить пасомым необходимость, законность и возможность усовершенствований в церковной жизни. По нашим наблюдениям, не только приходы, но даже целые благочиния, если не сказать — епархии, отходят от «тихоновщины», когда пастыри и архипастыри толково и смело разъясняют им нужду в усовершенствованиях и обновлении нашей жизни церковной; о подобных случаях не раз сообщалось в «Вестнике Священного Синода». Особенно же враждебным отношением к делу обновления церковной жизни проникнуты монашествующие всех рангов и обоого пола, при чем нисшая братия, в большинстве вынужденная оставить свои монастыри, после закрытия их, среди простого народа распространяет теперь о церковном обновлении самые нелепые и вздорные слухи. Так, вместо братской любви и христианской терпимости к воззрениям других, даже несколько не нарушающим чистоты православия, сеются на ниве Христовой рознь и ненависть, с кощунственными перекрещиванием, переувенчиванием и переотпеванием тех, над которыми соответствующие священнодействия уже были совершены священнослужителями обновленцами, которые и сами также подвергаются иногда перерукоположению, в случае сладостного для них приема в «тихоновщину», при чем «благочестивые» и «преосвященные» перукопологатели легко, но вполне заслуженно создают себе исключительную память в истории. Отлучения и даже проклятия также весьма охотно, «без думы роковой», ниспосылаются обновленцам от сторонников б. п. Тихона, какого бы «заместителя» его последние ни признали.

Таково в общих чертах состояние православной русской церкви.

Было ли что-либо подобное в древней церкви? Конечно, и древне-вселенская церковь знала явления, подобные вышеуказанным, и всегда определенно выражала свое отношение к ним. Так, древней церкви хорошо были ведомы александрийское, антиохийское, а затем — родственные им старо-никийское и новоникейское направления в церковной мысли и жизни, которые долгое время соперничали между собой за преобладание в церкви и в крайнем своем развитии доходили не только до полной противоположности друг другу, но и до еретичества, арианства, несторианства и монофелитства. Однако истинные пастыри церкви, и сами принадлежавшие к одному или другому из этих направлений, напрягали все свои усилия к тому, чтобы примирить указанные направления и сократить дальнейшие развитие их заблуждений. Например, св. Афанасий, еп. Александрийский, по проискам ариан 5 раз подвергавшийся изгнаниям и поэтому около 17 лет проведенный вне своей паствы, всегда снисходил к своим противникам, арианам, не терпя лишь фарисейства в вере и жизни, и вследствие этого многие из них обратились к вере никейской. В 363 году он даже совершил путешествие в Антиохию для того, чтобы протянуть руку Акакию, еп. Кесарийскому, и другим представителям восточного епископата, который преследовал его в течение 30 лет. Но Акакий и его сторонники отклонили примирение, когда, повидимому, уже никаких препятствий к этому не было. Не добившись общения с «восточными», Афанасий, опечаленный этим, вернулся в Александрию¹⁾. Как назидателен этот пример высокого великодушия Александрийского архипастыря и тупого упорства и злобы сторонников Ария! Тяжело наблюдать, что последние и в наше время находят себе подражателей среди тех, кто упорно не желает церковного мира. Впрочем, пример св. Афанасия своевременно не остался без подражания. Один из ближайших преемников его по кафедре — св. Кирилл, главнейший деятель III вселенского собора, после него также не отказался вступить в разъяснения и переговоры с бывшими сторонниками Нестория — еп. Иоанном Антиохийским и епископами Сирскими, доселе враждебно настроенными в отношении к нему. В результате этого — примирение (уния) между враждовавшими сторонами.

Вот — как действовали истинные пастыри церкви, всецело отдавшиеся служению ей, а не своему благополучию и тщеславию! Несомненно, они весьма и весьма не одобрили бы того, что проявляют в отношении к обновленцам сторонники б. п. Тихона.

¹⁾ Любен Л. — История древней церкви. Т. II. Перев. с франц. М., 1914. Стр. 233. Правосл. Богосл. Энциклопедия, изд. при журн. «Странник», Петроград, 1903. Т. II. Стр. 165—166.

²⁾ Orega. Paris. 1837. Т. IX, p. 135. Кипарисов В. Ф., проф. О церковной дисциплине. Серг. Посад, 1897. Стр. 335.

Притом, указанная деятельность великих Александрийских архипастырей проистекала, очевидно, из сознания того, какой великий вред причиняет церкви разделение. Бл. Августин (353—430 г.г.), епископ Иппонский, даже определенно выяснял, что церковь должна иногда поступаться и строгостью утвердившихся правил ради сохранения мира церковного, если есть опасность разделения (схизмы) от точного следования правилам²⁾. Против созданной догматическими спорами IV в. неблагоприятной привычки поспешно объявлять мнение противника ересью, а его самого — недостойным пребывания в церкви решительно возставал св. Григорий Богослов, который таких легкомысленных судей не без иронии спрашивал: «а что, если тебе кажется все кружащимся потому, что у тебя самого темнота в глазах?..»³⁾. Как действительно неосновательным бывает иногда мнение подобных судей, видно из того, что даже св. Василий Великий, твердый защитник церкви в борьбе ее с арианством, в одном соревенном ему анонимном произведении обвинялся в неправославии, в ереси Аполлинария⁴⁾ Евстафий, еп. Севастийский, даже открыто прекратил с ним общение, как с еретиком, а Феодот, еп. Никопольский, однажды не допустил св. Василия в свою церковь⁵⁾. «У нас всегда так, писал в объяснение этого сам св. Василий. В.: «кто нам неприятен тот и не православен»⁶⁾. И все это лишь вследствие неблагоприятной ревности о благочестии и в зависимости от партийных симпатий и антипатий того времени! Не такая ли несчастная ревность сдает и многих наших современников из среды сторонников б. п. Тихона, также безосновательно выставляющих обновленцев безблагодатными еретиками и прекративших общение с ними вследствие лишь разницы во взглядах по вопросам церковной дисциплины и жизни за последнее время?!

Но ведь и в древней церкви были подобные расхождения во взглядах по одному и тому же вопросу — в особенности, дисциплинарному — и однако это не давало оснований к каким-либо тяжелым взаимным осуждениям. Так, относительно весьма важного вопроса в древней церкви — обращения в христианство иноверцев и отдельные представители церкви и даже соборы судили неодинаково. Например, западный епископ Юлий Фирмик Матерн обращаясь к сыновьям Константина Великого с указанием на необходимость строгих законов против язычества, писал: «некоторые из язычников не захотят своего спасения (в христианстве); но вы, государи, помогите таким несчастным: лучше пусть они спасутся (?) против своей воли, нежели погибнут по своей воле⁷⁾. Но св. Григорий Богослов мыслил иначе: христиане должны «распространять христианскую веру благочестием»⁸⁾. Толедский собор (в Испании) 633 г. дал относительно обращения иудеев правило: «никто из них насильно не должен быть обращаем к вере... Что же касается до тех, которые уже прежде вынуждены были обратиться к христианству..., то поелику уже известно, что таковые иудеи участвовали в божественных таинствах..., таковых надлежит принуждать к содержанию христианской веры, хотя бы они и приняли ее от насилия». Толедский же собор 693 года определил в сущности то же: «древние каноны касательно иудеев, т. е. о том, чтобы побуждать их к обращению, должны быть точно соблюдаемы, и всякий иудей, который искренно (?) обращается, от всех податей в казну, которая иудеи вносить должны, освобождается»⁹⁾. Однако VII вселенский Собор (787 г.) в 8 своем правиле решил этот самый вопрос совершенно иначе: «поелику некоторые из еврейского вероисповедания, блуждая, возмнили ругаться Христу Богу нашему, притворно делаясь христианами, втайне же отвергаясь Его, то определяем: сих ни во общение, ни к молитве, ни в церковь не принимать, но явно быти им, по их вероисповеданию, евреями». — Драматическая противоположность взглядов востока и запада по такому важному вопросу, как вопрос об обращении в христианство, все же не вызвала никакого разделения между ними. Православная церковь держалась принципа: *in necessariis — unitas, in dubiis — varietas, in omnibus — caritas* (единство в необходимом, различие взглядов в спорном, любовь ко всем). Значит, и разница современных суждений по вопросам церковной дисциплины также не должна быть причиной церковного разделения.

С точки зрения древней церкви не всегда опасны даже и новшества. Еще Тертулиан (155—223 г.г.) разъяснял, что новшество

¹⁾ По русск. переводу творение — слово 12 «о необходимости доброго порядка при собеседовании». Кипарисов В. Ф., назв. труд, стр. 297.

²⁾ Творения. ч. VII. Серг. Посад, 1902. Стр. 126.

³⁾ Любен, Л., назв. тр., стр. 273.

⁴⁾ Попов. Изв. В., проф. — Св. Иоанн Златоуст и его враги. Серг. Посад, 1908. Стр. 94.

⁵⁾ De errore profanarum religionum. Migne. Patrologiae cursus com-pletus, ser. lat. T. XII. p. 1019 sq. Кипарисов В. Ф., проф. — о свобод-совест' М., 1883. Стр. 182.

⁶⁾ Творения. ч. I. Русск. перев., 2-е слово против Юлиана. Кипарисов В. Ф., назв. труд, стр. 222.

⁷⁾ Hefele - Conciliengeschichte, V. III, 1877 S. 85. Кипарисов — В. Ф., назван. труд, стр. 138—140.

сама по себе не служит еще признаком еретичества, если касается не веры, а лишь дисциплины. «Правило веры», писал он, «одно только неподвижно и неизменно» (*immutabilis et irreformabilis*);... но прочее, что касается дисциплины и поведения, допускает новшество исправления»¹⁾. По мысли Св. Василия Великого, дисциплина иногда даже требует дополнения. «Многое из созершавшегося у неокесарийцев, писал св. отец, «при давности своего установления, кажется недостаточным, потому что преемственно (Григорию Чудотворцу) домостроительствовавшие в церкви (Неокесарийской) не соглашались принять в дополнение что-либо» (возникшее после Григория)²⁾. Таким образом, по учению древней церкви, насколько оно выражается у Тертуллиана и св. Василия Великого, в сфере церковной дисциплины возможны и даже необходимы полезные нововведения и дополнения, раз прежнее установление оказывается недостаточным. И сколько таких новшество исправлений и дополнений в своей дисциплине дала нам св. церковь в правилах соборных и свято-отеческих³⁾, из которых многие и сами по себе, не быв отменены никакой церковной властью, давно утратили всякое практическое значение по своей неприменимости в жизни⁴⁾. Этим древне-вселенская церковь ясно показала, что ее дисциплинарные правила, хотя бы иногда и данные каким-либо вселенским собором, могут быть изменяемы и даже вовсе отменяемы, когда условия и обстоятельства издания их перестали существовать вполне или только отчасти. Но таких уроков древней церкви не хотят знать не только папстыри, но и архипапстыри, последовавшие за б. п. Тихоном и его «местоблюстителями» с их «заместителями», без стеснения внушающие своим паствам, будто все они незыблемо выполняют каноны.

В своей крайней нетерпимости и враждебности в отношении к тем, кто не идет за ними, они совершенно произвольно, без соборного обсуждения дела уклоняются от церковного общения со всеми, не разделяющими их воззрений. Однако, не так учила древняя церковь, начиная с ап. Павла. Насколько чужд был он нетерпимости к другим, видно, напр., из того, что он радовался успехам проповеди о Христе даже и тех, которые проповедывали Христа «не чисто» или «притворно» (Фил. 1, 16, 18). О «самонадеянных» судьях св. Киприан, еп. Карфагенский (248—258 г.г.), в свое время писал: «присвояющие себе более господства, чем требует кроткая правда, и нагло себя воздымающие, будучи ослеплены самою надменностью, теряют свет истины»⁵⁾. И такая подлинно христианская осторожность в суждении относительно ближних, можно сказать, всегда рекомендовалась церковью. Так, когда один подвижник, не получив в своей просьбе удовлетворения от имп. Феодосия II, отлучил его от церковного общения, местный епископ разъяснял царю, что «не следует принимать запрещения от всякого»⁶⁾.

Основанием для церковного отлучения может быть, по учению древней церкви, лишь тяжкий грех (идолослужение, убийство, плотские грехи, ересь и т. п.) и при том — не тайный, но явный, с несомненностью доказанный. Епископ, по выражению Апостольских Постановлений (VI, 21), не должен быть скор к изгнанию и извержению, но осторожен. Отлучение могло последовать лишь после формального, во всяком случае — публичного суда. I всел. собор (прав. 5) постановил непременно допускать для желающих возможность расследования: не по малодушию-ли, или расправе или какому-либо подобному неудовольствию епископа состоялось отлучение. Для этой цели собор за благо признал, чтобы в каждой области дважды в год были соборы и чтобы все епископы, собравшись во едино, исследовали таковые недоумения. Отлучение, затем, может быть произнесено только после доказанной нераскаянности, т. е. после предварительного увещания виновному. Церковь, таким образом, буквально понимала и применяла заповедь Спасителя о тоекратном вразумлении согрешившего (Мф. 18, 15) и возвела эту заповедь в обязательное правило (апост. 31, 74) «Много надо подумать и многое испробовать прежде, нежели осудить другого в злочестии», говорил

св. Григорий Богослов в слове своем о необходимости доброго порядка при обследовании¹⁾. Отсюда ясно, что прекращение церковного общения не может возникать автоматически вслед за фактом, повидимому, влекущим его, без всякого соборно-канонического его обсуждения. Этой позднейшей католической теорией никогда не руководилась древняя православная церковь²⁾. Прежде, чем вынести какое-либо прещение для мыслящих несогласно с общецерковным учением, церковь всегда обращалась к соборному обсуждению спорных вопросов. Так, напр., на Толедском соборе 581 года ариане-готы и православные заседали совместно и результатом их горячих прений было то, что на следующем Толедском соборе (589 г.) большинство готов отказалось от арианства³⁾. Поэтому, произвольными отлучениями возмущался и св. Иоанн Златоуст, когда к этому средству прибегают совершенно неправильно те, кои «дерзают преподавать одно только свое учение и проклинают то, чего сами не знают». — «Увещаю и заклинаю вас, много раз говорил св. отец, отстать от этого злого обыкновения. Никто, разъяснял он, не имел столько любви к Богу, как ап. Павел, но и он в своих писаниях употребил слово анафема (отлучение) только дважды и при том не относя его к определенным лицам». Каждому из легкомысленных любителей церковного разделения и отлучений Златоуст задает даже вопрос: «скажи мне, что значит анафема, которую ты произносишь? Понимаешь ли ты силу этого слова?»⁴⁾ Подобный вопрос должно поставить и последователям б. п. Тихона, начиная с их руководителей, а именно: понимают ли они, что значит и к чему ведет их уклонение от общения со вселенской церковью и с теми, которые лишь по предметам церковной дисциплины не согласны с ними, знают ли они, что уклонение от церковного общения без соборного суждения об этом преступно пред Богом и церковью⁵⁾. К прискорбию, судя по деяниям и письменным произведениям даже самого б. п. Тихона и его ближайшего «местоблюстителя», — м. Петра Полянского (см., например, его послание от 28 июля 1925 г.), приходится думать, что и они не сознавали достаточно ясно, как противоцерковно и антиканонично то, что они писали и делали, создавая и углубляя церковное разделение; иначе они на это едва-ли дерзнули бы... Еще на VII всел. соборе некоторые епископы объясняли свое уклонение в иконоборчество, ссылаясь на «свое крайнее невежество, леность и умственное нерадение»⁶⁾. «Крайнее невежество» руководит теперь и теми, кто поддерживает разобщение в церковной жизни, не имея к этому никаких резонных канонических оснований.

Впрочем, кроме необдуманности в уклонении от общения церковного, древняя церковь знала и другую, еще более греховную причину такого уклонения. Св. Афанасий Александрийский в послании своем к монахам, характеризуя современных себе мелеitianских епископов, говорил: «это — люди, никогда не приступающие к слову искренно, подобно хамелеону принимающие на себя всякий вид, сделавшись наемниками имеющих в них нужду»⁷⁾. Но уподоблялись хамелеону во времена св. Афанасия и после него не одни мелетиане. Так, повидимому, еще при жизни названного св. отца († 373 г.) еп. Кизикский Елевсий, ранее воинственно выступавший против новациан, под влиянием угроз императора Валента (364 — 378 г.г.) стал в ряды ариан, хотя потом и раскаялся в этом⁸⁾. А Василий, еп. Селевкийский (432 — 460 г.г.) на Констант-м соборе 448 г. осудил Евтихия, на Ефесском «разбойничьем» соборе 449 г. оправдал его и на IV вселен. Халкидонском соборе 451 г. осудил снова⁹⁾. И таких печальных примеров древняя церковь знала довольно. А разве среди руководителей нашей тихоновщины не было и нет людей (*nomina sunt — odiosa*), всячески подлаживающихся к далеко не церковным вожделям или к узкому обрядоверию народных масс, — людей, готовых — разумеется, если это в каком-либо отношении будет им выгодно — восхвалять завтра то, что сего-

¹⁾ Творения, часть II, слово 12. Кипарисов В. Ф. — назван. труд, стр. 278.

²⁾ Кипарисов В. Ф., проф. — назван. труд, стр. 278, примеч. 98.

³⁾ Православно-богословская энциклопедия, изд. при журн. «Странник», т. IV, Петроград, 1903 г. Стр. 570.

⁴⁾ Беседа о проклятии. Кипарисов В. Ф. — там же, стр. 260 — 261.

⁵⁾ Василия В. пр. I. Карф. соб. пр. 11 Двукратн. соб. пр. 14 — 15, Антиох. соб. пр. 2. Св. Киприан Карфаг. — Творения в русск. перев. Киев. 1891 г., т. I, стр. 144, Св. Григорий Богослов. — Творения в русск. переводе, М., 1889 г., т. II, стр. 160 — 162.

⁶⁾ Деяния всел. соб. в русск. перев. т. VII, стр. 126 и след. Mansi — Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Florent. Uenet. 1759 — 1788. XII col 1010 А. Андреев И. Д., проф. — Герман и Тарасий, патр. Констант-е Серг. посад, 1907 г., стр. 128.

⁷⁾ Творения в русск. перев., ч. II, М., 1852. Стр. 152.

⁸⁾ Сократа Церк. история, Спб., 1850. Стр. 325 — 326.

⁹⁾ Лебедев Ал. П., проф. — Вселенские соборы IV и V вв., стр. 204. Иоанн, еп. Аксайский — История всел. соб. Новочеркасск, 1896. Стр. 238. Правосл. Богосл. Энциклопед. изд., при журн. «Странник», т. III, Петроград, 1902 г. Стр. 204 — 205.

¹⁾ Кипарисов В. Ф., проф. — О церковной дисциплине. Стр. 11 — 13. В начале текущего столетия еще сильнее писал об этом Кронштадский пастырь — о. И. И. Сергиев — «Надобно ли из-за раскольников не делать нужных благотворных преобразований в церкви?» — «Надобно делать, утверждал он, иначе посмеются над нами демоны... Ужели допустим одолеть себя их злобе? — Полное собрание сочинений Спб., 1905, т. IV, стр. 338.

²⁾ Творения св. Василия В., ч. III, стр. 347. Изд. 1846 г. Кипарисов В. Ф., — назван. труд, стр. 45.

³⁾ Срав., напр., 15 пр. Неокесар. соб. и 16 пр. Трулльск. соб., 41 пр. Карфаг. соб. и 29 пр. Трулльск. соб., ап. прав. 37, I всел. соб. пр. 5, IV всел. пр. 19, Ант. соб. пр. 20 и Трулльск. соб., пр. 8 33 VII всел. соб. пр. 6.

⁴⁾ Как, напр. 15, 16, 43 пр. Лаодик. соб. апост. пр. 82, IV всел. соб. пр. 19, Трулльск. соб. пр. 11, 59, 71, VII всел. соб. пр. 2, Карф. соб. пр. 70 (1), 84 (9) и др.

⁵⁾ Творения в русск. перев., т. I, стр. 144 — 145. Кипарисов В. Ф. — О церковной дисциплине, стр. 264.

⁶⁾ Феодорита — Церк. история, 270. Кипарисов В. Ф. — назван. труд, стр. 292.

дня они осуждают¹⁾. Понятно, что такие люди серьезно и не интересуются, насколько прав тот путь, на котором они в данный момент стоят, не будут искать соборного обсуждения современной церковной жизни, не будут стесняться уклонением от церковного общения с своими ближними потому только, что они мыслят не так, как хочет невежественная толпа: это — не люди идеи; бог их — чрево их. И таких — увы! — большинство. «Хамелеонство» разстраивало жизнь древней церкви; оно же болезненно вредит ей и теперь.

Наконец, можно указать и еще на одно явление в жизни древней церкви, которое нередко также причиняло ей много скорби. Это — непризванное вмешательство в церковную жизнь (главным образом — на востоке) монашества. Уже на заре своего исторического бытия монашество, в общем преданное церкви, своими неблагоприятными выступлениями побудило имп. Феодосия Великого в 390 г. издать эдикт которым позвелевалось монахам покинуть города, отправиться в пустыни и там заняться своими аскетическими подвигами. Причины издания такого эдикта заключались в поведении монахов того времени, которые не всегда служили истинным интересам церкви и нарушали иногда церковный мир; тираническое вмешательство монахов в судопроизводство, участие их в возмущении Антиохии, набеги на языческие храмы причиняли чувствительный ущерб нормальному ходу религиозно-общественной жизни²⁾. При императоре же Феодосии младшем (408 — 450), когда среди монахов горы Каломенской в Египте, возникла ересь антропоморфитов, представлявших Бога обладающим человеческими свойствами и не веровавших в освящающую силу Св. Даров, если они оставляются до следующего дня, св. Кирилл, еп. Александрийский, обращаясь к епископу Арсиноискому (в Нижней Фиваиде) Калорисию, между прочим, писал: «спросил я у пришедших с горы Каломена, как живут тамошние монахи. Они (пришедшие) сказали что многие подвижаются в благочестии, но что некоторые шатаются и нарушают покой других, говоря, что следует признавать в Боге образ человеческий, так как Писание говорит, что человек сотворен по образу Божию». Выяснив неправильность такого представления о Боге, св. отец присовокупил: «они говорят, что таинственное благословение, т.е. Евхаристия, не служит к освящению, если сохраняется на другие дни; но это — нелепость. Иисус Христос не изменяется, и тело Его не повреждается; сила благословения и животворящей благодати пребывает в нем всегда. И еще говорят, что нужно только молиться, а не работать... Церковь не допускает такого мудрования. Если бы все так жили, кто бы питал их? Это — только предлог к праздности и об'единению». Так осуждал св. Кирилл тех монахов, которые, оставив подвиги благочестия, шатаются нарушая покой других, и распространяют нелепости, изыскивая предлоги к праздности и об'единению³⁾. Вскоре после этого часть восточного монашества, усиливая церковные волнения, выступала даже в сообществе с еретиками Евтихием и

¹⁾ Все это достаточно вскрыто хотя бы в упомянутой выше брошюре «Все испытывайте, хорошего держитесь».

²⁾ Чернявский Н. Ф. Имп. Феодосий В. Серг. Посад, 1913. Стр. 367 — 368, 375, 622, 634. Кипарисов В. Ф., проф. — О свободе совести. М., 1883. Стр. 370.

³⁾ Арсений, еп. — Летопись церковных событий. Спб., 1889. Стр. 175.

Диоскором⁴⁾, чем, несомненно, и было вызвано появление известного 4-го правила IV вселенского собора о невмешательстве монахов ни в церковные, ни в житейские дела при молитвенно-безмолвном пребывании в своих монастырях. Когда же, во время VII вселенского собора, восточные монахи, недовольные снисходительно-мудрым отношением руководителя его св. патриарха Тарасия, к оставившим иконоборчество епископам, объявляли чуть не всю иерархию беззаконной и распускали злостные слухи о св. Тарасии, преп. Феодор Студит († 826 г.), виднейший представитель тогдашнего монашества, признал такое поведение монахов совершенно безосновательным и безрассудным⁵⁾. Не по этому ли безосновательному и безрассудному пути, который осуждался имп. Феодосием Великим, IV всел. собором и такими столпами православия, как св. Кирилл Александрийский, св. Тарасий и пр. Феодор Студит, пошло и наше монашество? — В большинстве своем далеко не блистающие и обще-христианскими добродетелями, невежественные и озлобленные, монашествующие берутся судить о церковных обстоятельствах, весьма превышающих их разумение, и — вместо того, чтобы пребывать в молитве, посте и безмолвии — рассеивают самые нелепые слухи о тех, кто не пошел за б. п. Тихоном, его «местоблюстителями» и их «заместителями»⁶⁾. И все последние, которым должно бы хорошо быть ведомо, как неосновательны и безрассудны подобные действия и речи монашествующих, не находят нужным надлежащим образом выяснять им это. Уроки отцов IV всел. собора, св. Кирилла Александрийского и пр. Феодора Студита, очевидно, не имеют для них никакого значения...

Сопоставляя вышеизложенные обстоятельства древнецерковной жизни с наиболее характерными проявлениями современной нам тихоновщины, мы теперь ясно видим, как должно было бы оценивать эти последние с точки зрения древней церкви. Неосновательное уклонение последователей б. п. Тихона от общецерковного единства лишь из-за вопросов церковной дисциплины, решение которых далеко не всегда может быть безусловным, противление необходимым, давно назревшим преобразованиям жизни церковной, произвольный суд и крайнюю нетерпимость относительно инакомыслящих, приспособление к вожделиниям и вкусам духовно еще слабым и мало осведомленным в церковном деле народных масс и, наконец, вмешательство в церковную жизнь морально распутившегося и невежественного монашества — все это решительно осудила бы древняя церковь голосом своих отцов и учителей. И этого, видимо, не знают или вовсе и знать не хотят последователи б. п. Тихона. Но что же из этой альтернативы относительно их более верно?.. Может быть, и то и другое? Во всяком случае, пусть они сами скажут: кто же они, если не знают и знать не желают уроков древней православной церкви?!

Прот. Н. Попов.

1928, VII/4.

⁴⁾ Иоанн, еп. Аксайский. — История всел. соб. Стр. 167, 214. Глубоковский Н. Н., проф. — Бл. Феодорити, еп. Кирский. Т. I М., 1900. Стр. 183.

⁵⁾ Андреев Ив. Д., проф. — Герман и Тарасий, патр. Констанские. Серг. Посад, 1907 г. Стр. 164—171. Творения пр. Феодора Студита в русск. перев. Т. II. С. П. Б., 1908. Стр. 317. Письмо 53 к Стефану чтецу.

⁶⁾ В этом отношении достаточно характерно полное нелепостей и изуверждения письмо монашенки, поучающей образованного протоиерея, приведенное на стр. 20—22 в брошюре «Все испытывайте, хорошего держитесь».

Два опыта по переводу литургии на русский язык в начале текущего столетия.

В начале текущего столетия, несомненно, под влиянием общего тогда стремления к усовершенствованию жизни церковной и сознания настоятельной неотложности многих реформ в ней, о чем официально и дружно свидетельствовали тогда все епархиальные епископы, появились, между прочим и опыты по переводу с церковно-славянского языка на русский некоторых богослужебных чинов и молитвословий.

Так как вопрос о доступности нашего богослужения для верующих масс не утратил своего значения и теперь, полагаем, что интересующимся этим вопросом не бесполезно было бы обратиться свое внимание хотя на некоторые из упомянутых опытов, чтобы видеть, насколько они достигают своей цели. В этом отношении кажется, наиболее показательными были бы для нас: «Порядок божественной литургии св. отца нашего Иоанна Златоуста», изданный С.-Петербургской Духовной Академией¹⁾, в собрании его творений в русском переводе (т. XII, кн. 1, Спб., 1906, стр. 394—424) и «Порядок совершения святой и божественной литургии св. Иоанна Златоуста. Опыт перевода с цер-

ковно-славянского языка на русский. Полный текст с объяснениями, примечаниями и рисунками» — протоиерея о. Сергия Петровского (Одесса, 1908, 1 — 134 стр). — Перевод, изданный высшей богословской школой и перевод опытного, сведущего и преданного своему делу священнослужителя.

Что же представляют собой эти переводы?

Перевод, данный С.-Петербургской Духовной Академией, сделан с языка греческого по тексту Евхологиона Гоара (Венеция, 1730) и какому-то иному, бывшему в распоряжении переводчика, но не указанному им точно в самом переводе (см., напр., стр. 406, прим. 5 и 6, стр. 413, прим. 2).

Академический перевод, видимо, желает точно держаться общепринятого греческого текста литургии. Но это не всегда достигается. Напр., *фимиатирион* переводится словом *ладан* (а не *кадило*), *пий аблосин* — слов. *заканчивает* (стр. 400), *эн ирини ту Киру денфóмен* — слов. *мирно Господу помолимся* (стр. 402), *мистикос* слов. *тихо* (стр. 403, 404, 405 и др.), *анó кафедран* — (горный престол, стр. 406) — слов. *небесное седалище* по «трисвятом» *ламвани* — слов. *поднимает* (чашу, во время херувимской песни, стр. 411), *О евсхимон Иосиф* — *Прекрасный*,

¹⁾ За подписью ректора академии — Сергия, епископа Ямбургского.

вместо «благообразный» Иосиф (стр. 411), Ката панта кедиа панта («о всех и за вся») — слов. по всему и за все (стр. 415), мета пантон имон («со всеми вами») слов. на стороне всех вас (стр. 417), ис паррисан тин прос Се («в дерзновение еже к Тебе») — слов. в откровенность пред Тобою (стр. 418), антилаву («заступи») — слов. возьми к Себе (стр. 422) и т. п.

Есть в академическом переводе и весьма своеобразные выражения, с отступлением от общепринятого текста: напр., «премудрость прямая» («премудрость, прости» стр. 405), «раздробляется и разделяется Агнец Божий, Сын Отца» (стр. 419), «полнота веры Св. Духа» (там же), «мирно подойдем» (пред заамвонной молитвой, вм. «с миром изыдем», стр. 422), «елей мира, жертву хвалы» (стр. 413), «и (за) всех мужчин и (за) всех женщин» (стр. 416).

Есть здесь и выражения, не соответствующие высоте всей литургии, как «зовет диакона» (стр. 421), или недостаточно литературные, в роде: «весьма хорошо стирает святою (?) губкою (с него¹), над святою чашею». Таким образом, академический перевод оказывается просто дословным, хотя и не всегда удачным переводом с греческого текста, далеко немогущим содействовать под'ему чувства молящихся и самих священнодействующих.

Перевод о. С. Петровского, появившийся позднее академического года на два, старается при помощи примечаний и разъяснительных дополнений к тексту устранить сухость перевода. Автор говорит (стр. 5), что им «перевод дается слово в слово по книге Службник, напечатанной в Московской Синодальной типографии в январе 1887 года». Однако в действительности он переводит преимущественно с греческого, так как дозволяться одним славянским текстом совершенно невозможно.

Но и при этом в переводе о. Петровского встречаются выражения, на наш взгляд, произвольные, для которых нет точно соответствующих выражений ни в славянском, ни в греческом тексте. К числу таких относятся, напр., следующие: «драгоценный елей» («миро на браду», стр. 27), «духовное курение» (кадило, стр. 39), «Будь милостив, Господи» («Господи, помилуй», на сугубой экт. и великой), «за тех, кто в море (а на реках?) плавают», «от всякого горя, гнева, опасности и бедствия» (стр. 47), «исполни прошения Твоих служителей на пользу им» (стр. 51), «высшее седалище» (стр. 57), «и Ты отдаешь в пищу всем верным Свое Божественное Тело и Животворящую Кровь» (вм. «раздаваемый» стр. 76), «Известный (знаменитый) Иосиф» (стр. 80), «пошли, Господи» (вм. «подай», парáсху — на просит. экт., «верую, что есть единый Бог-Отец»... (стр. 89), «за всех людей и за все Твои благодеяния» (стр. 96), «диакон поминает (читает), диптиха» (стр. 102), «драгоценное и пресвятое Тело Господа и Бога» (стр. 117). Выражение «всех мужчин и всех женщин» могло быть взято не с славянского, («и всех и вся»), а только с греческого языка (*ке пánтон ке пасón*).

Выражения необразные или странные, к сожалению, также встречаются и в переводе о. Петровского: например, «священник окуривает над кадилом звездицу» (стр. 39), «прославь, господин, Св. Троицу», «господин, помолись за меня» (но рядом же — «владыка святыи, вспомни меня», стр. 42—43), «тайно — тихим голосом» (стр. 52), «прикажи, владыка» (стр. 56, 58), «вооруженные копьями ангельские чины» (стр. 75), «соединение таинств (?) Тела и Крови Господней совершается непостижимым действием Св. Духа и составляет предмет веры» (стр. 114), «полюбим друг друга» (стр. 87), «приимите и с'ешьте» (стр. 95), «приносим Тебе эту словесную жертву за всех почивших... преимущественно же (... в славу и в память кончившей земную жизнь в вере) пресвятой... Богородицы» (*sic*, стр. 101).

Уже из приведенных примеров видно, что «перевод» о. Петровского, напечатанный с дозволения Киевского дух-цензурного комитета, вовсе не является переводом «слово в слово» ни с греческого, ни с славянского текста, хотя и выдается за такой именно перевод с славянского. Это и понятно. Выразить дословно точно мысль греческого или славянского текста по-русски весьма часто — совершенно невозможно, потому что в русском языке часто нет готовых слов, ясно и верно оттеняющих мысль славянского или греческого текста. В таких случаях неизбежно приходится передавать ее более или менее пространными выражениями, заботясь уже не о дословности перевода, а об его логической верности.

К сожалению, по приведенным примерам перевода — академического и о. Петровского — видно, что эта последняя цель далеко не достигается в данных переводах. При том направленные, главным образом, к возбуждению сознания верующих, оба указанных перевода при их школьном языке, по нашему мнению, не могут всецело овладеть чувством молящихся, что в религии имеет значение прежде всего.

¹) С дискаса. Прот. Н. П.

Правда, академический перевод и не предназначался для употребления при богослужении (стр. 384, прим. 1); но он не дает ни образцов чисто русской речи, ни всех объяснений, в которых может нуждаться обыкновенный читатель, хотя все это и ставит своей задачей. На самом деле, — разве русская речь: «премудрость прямая», «милости великого Бога... будут на стороне всех вас»..., «И на стороне твоего духа», «весьма хорошо стирает святою губкою над св. чашею» и т. п... Не давая никаких разъяснений к тексту относительно освящения Св. Даров, приобщения верующих (мирян), последнего явления Св. Даров народу и проч., академический перевод не чужд в то же время и объяснений совершенно неправильных, напр., — относительно слова *кафедра* (стр. 406, прим. 2), слов «милость мира» (стр. 413 прим. 2) или заамвонной молитвы (стр. 422, прим. 1). Нельзя сказать, что хорош язык и в переводе о. Петровского, где есть выражения: «преславно прославляемое Твое Имя» (стр. 41), «пусть направит Господь шаги твои» (стр. 42), «чтоб эти Св. Дары не послужили для нас причиной осуждения и наказания» (стр. 107), «Твоею державною (?) рукой» (стр. 110) и подобн. Но о. Петровский, несомненно, глубоко сознает, что взаимная любовь и единомыслие верующих, зависят и от удобопонятности того языка, на котором совершается богослужение. Он только не решается довести свое дело до конца. Свидетельствуя, что в древности все молитвы, относящиеся к совершению Св. Причащения (только ли они одни?) читались священником вслух народа, а теперь вместо этих молитв преподаются лишь краткие возгласы, он рекомендует верующим, чтобы ясно понять весь ход действий, относящихся к освящению Даров, самим внимательно прочитать тайные молитвы священника (стр. 105—106, прим. 1 и 2). Однако, почему же не сделать эти и др. молитвы доступными для верующих и во время самого богослужения, через внятное произнесение их? Что мешает этому? — Лишь рабство пред нелепой традицией, совершенно ни на чем неоснованной. И давно пора дать верующим такое изложение литургии, чтобы они не только сознательно, но и с горячим воодушевлением могли принимать молитвенное участие в совершении этого важнейшего богослужения. К сожалению, ни перевод академический, ни перевод о. Петровского не решают этой задачи, ибо авторы этих переводов — может быть и «по независимым» от них обстоятельствам — не дерзнули своевременно практически стать всецело на тот путь, который, повидимому, сами же находят единственным правильным и целесообразным. И тот, и другой из рассмотренных нами переводов литургии — переводы не дословные. Оба автора признают, что ни греческий, ни славянский текст литургии при буквальном следовании им не выражают того, что на самом деле есть в литургии по ее внутреннему смыслу и значению, как об этом свидетельствуют и древние памятники христианской письменности («Учение 12 апостолов», апология св. Ивстина-Философа и др.). Лишь всякого рода примечаниями и дополнительными разъяснениями к литургийному тексту пытаются авторы рассмотренных переводов ослабить органический недостаток общепотребительной редакции литургии св. Иоанна Златоустого и восполнить в ней то, что испарилось из нее в течение веков. Но такие попытки или вовсе неудачны, или же так мало касаются самого внутреннего смысла текста литургии, что оказываются (и естественно) в отношении к ней чем-то чужеродным.

Таким образом, рассмотренные переводы своим характером ясно показывают, что существующий текст литургии св. Иоанна Златоустого, который по современным научным данным отнюдь не может считаться и всецело принадлежащим этому св. отцу (см. ст. св. А. В. Петровского в «Православной Богословной Энциклопедии», изд. при журн. «Странник», т. VI, Спб. 1905, стр. 947—959), при переводе неизбежно нуждается в известной переработке, чтобы ближе привлечь умы и сердца верующих к участию в совершении таинства Евхаристии. Разумеется, такая переработка должна совершаться не произвольно, а на основании литургических памятников, и успех ее зависит от таланта и степени подготовленности того, кто принимает на себя такую задачу.

Отмечая те или иные несовершенства в переводах литургии св. Иоанна Златоуста — академическом и о. прот. С. Петровского, мы однако не хотим сказать того, что эти переводы не имеют известных достоинств и значения. По исправлению и они могли бы быть допущены к временному употреблению до появления чего-либо лучшего. Главная заслуга авторов названных переводов заключается в том, что они одними из первых пошли навстречу назревшей потребности церковного общества иметь понятное богослужение и своими работами облегчают путь новым опытам в этом отношении. Это особенно следует сказать о переводе о. прот. С. Петровского, который издал его за свой счет и страх, с глубоким сознанием важности этого дела, с го-

рячим стремлением помочь православному христианину в понимании важнейшего христианского богослужения. Его труд отнюдь не напрасен. Но, так как рассмотренные переводы литургии на русский язык, сделанные, безусловно, людьми компетентными, все же не могут считаться вполне удовлетворительными, то выполнение этого неотложного дела в будущем должно быть возможно шире представлено опять частной инициативе. Когда появится несколько таких переводов, тогда церковная власть и общество получат большую возможность судить, насколько тот или иной опыт удовлетворяет своей цели. Частное творчество находило возможность проявлять себя и в древней церкви. Зачем же стеснять его теперь и в такой ограниченной сфере, как перевод или—лучше и правильнее—изложении литургии, так как никогда и ни один перевод с одного языка на другой не может

быть точным отображением оригинала? На долю церковной власти и при этом выпало бы не мало труда—следить за появлением переводов и регулировать их употребление на практике, первоначально—в виде опытов. Уже и такое направление дела давало бы надежду на то, что рано или поздно православный русский народ все же получит, наконец, полную возможность молиться едиными устами на своем родном языке. Уповать, что это может быть достигнуто скорее и лучше каким-либо коллективом, было бы неосновательным: кажется, ни одного высоко-вдохновенного произведения еще не было создано каим-либо коллективом...

Протопресвитер Н. Попов.

12/III—1928.

Не мир, но меч.

(Характеристика отношений Православной Церкви к сектантству).

Отношение православия к инакомыслящим, работающим идейно в одной с ним плоскости, может быть охарактеризовано, или точнее сказать, может мыслиться тройкое: мир, нейтралитет, и борьба (война). Православной Церкви, выдвинувшей лозунг обновления Церкви, очищения ее внешних форм от исторических наслоений, не искажавших существа православия, но затемнявших подлинный лик христианства, пришлось сразу же поставить вопрос об отношении к сектантству. Последнее, по его собственному признанию, хотело поставить этот вопрос в плоскости мира с обновленческим движением. Сначала, надо сказать, сектанты испугались могучего обновленческого движения. Оно грозило, в их представлениях, при широком реформаторском размахе, совершенно поглотить те течения, которые, произведя реформацию в прошлом, могли действовать крайне медленно, осторожно по разным причинам. Украинские самосвяты-липовцы первые испугались этого движения и в противовес ему организовали на Украине в Киеве группу «Церква Жива», которая чрез полгода оказалась не менее мертвой, чем все самосвятство. А в январе 1923 г. к пишущему эти строки приходил «Архиепископ» Подольский Иван Теодорович и прямо поставил вопрос: «а что вы с нами будете делать». Т. Н. рационалистическое сектанство, более хитрое, решило подойти иначе—с мирными предложениями, с предложением совместной работы. Мы напомним о выступлениях И. С. Проханова на с'езде СОДАЦ, а в 1922 г. и его обращение к ЦК группы «Живая Церковь и Высшему Церковному Управлению с приветствием и предложением мира. Об этих попытках мы писали уже на страницах Вестника (1927 г., № 5). На эти предложения был дан достойный ответ: «мы с сектантами ничего общего не имеем». Интересно в этом отношении признание руководителя Молокан—Н. Ф. Кудинова: «нам, молоканам особенно нежелательно вступить в полемику с обновленцами, потому что обновленчество, хотя и с большой осторожностью, все-таки вступает на путь борьбы против старого отжившего православия, и мы, сектанты, были очень обрадованы, когда 5 лет тому назад обновленцы начали проявлять признаки духовной жизни, разоблачать старую церковь и подкапываться под ее основы с тем, чтобы разрушить ее и на ее развалинах создать действительно Христову церковь из живых камней. Мы ждали, что обновленцы возьмут правильную линию, согласно евангельского учения, начнут освобождать православие от вредных и губительных заблуждений, станут освобождать храмы от икон и совершенно ненужных украшений. (Вестник духовных христиан-молокан, 1927 г., № 9 стр. 17). Мы нарочно привели эти планы молокан на будущее обновленчества—это разрушение православной церкви, реформация по молоканскому образцу. Но что же вышло? Обновленчество не удовлетворило молокан, потому что такой реформации не произошло. Не менее восторженно встретили обновленчество и баптисты, в чем они признаются в № 4 «Баптиста» за 1928 год, где горько жалуются на то, что один из вождей обновленчества Митрополит Александр не оправдал их надежд на реформацию в церкви, на то, что он, в 1923 году, ответив на записку во время диспута в Евпатории, назвал баптистов «братьями во Христе», а в 1927 году в одном докладе говорил, что «одной из главных задач обновленчества является борьба с баптизмом». С братьями не борются, с братьями живут мирно (стр. 21). Баптисты пишут, что почти все более важные принципы обновленчества, которые будто бы оно открывает миру, давно выдвигаются и проповедаются баптистам (взгляд на аскетизм, учение об активном участии в строительстве жизни, поднятие авторитета пастырства и т. д.). Поэтому баптисты и говорят нам,

обновленцам: «пора бы принять в руководство при взаимоотношениях с верующими—слова любви и мира и полной терпимости с инакомыслящими. Да будет так» (стр. 22). В обычных, житейских сношениях все сектанты предлагают мир, предлагают совместную работу против одного общего врага—неверия, о чем особенно говорят молокане, оставляя вопросы обрядовые и другие недоразумения на совести каждого. У нас установлен обмен журналами. Мы часто беседуем с ними в самой мирной обстановке: с молоканами, баптистами, адвентистами, пятидесятниками. Но все таки—не мир, но меч поднимаем мы против них.

Почему же мы отвергаем предложение мир? Разве мы не ценим союз христиан как доказательство наивысшего понимания христианства, как религии совершеннейшей любви их к ближним, а через нее и к Богу. Да, все это мы признаем ценим глубоко, ежедневно молимся об объединении всех верующих, о «соединении св. Божиих церквей», но все-таки мира с сектантами, пусть они знают, иметь не можем и не должны. Пусть они не забывают, что обновленцы прежде всего, православные. Они не мнят себя, как кажется запуганным в прошлом сектантам (Вестник молокан № 2—1927 г.), какой-то—господствующей в государстве церковью, а считают себя истинной Христовой церковью, сохранившей в неприкосновенном виде всему миру Св. Писание, которое по выражению одного миссионера, сектанты, появившиеся на свет 100—50—25 лет тому назад, украли у православных. Являясь носителем вечной истины, православная церковь не может поступить ничем из своего учения, которое каждая из сект понимает и искажает по своему, не может поступить и своими чадами, которых увлекают ложными обещаниями различные сектанты. Сектанство, своим существованием, своим существом, наличием разделений, непрекращающихся, а все более и более увеличивающихся, само свидетельствует о том, что мира не может быть. С кем мириться православию? Представьте—помиримся мы с баптистами, что тогда скажут молокане, адвентисты. Помиримся с последними—что скажут баптисты. Даже между собой-то две тождественных секты: евангельские христиане и баптисты не хотят или не могут до сих пор помириться и враждуют друг с другом. Пусть бы они сначала сами помирились между собой, доказали этим, что в них действительно живет дух Христовой любви. Но ведь этого никогда нет и не будет, поскольку сектанты обнаруживают крайнюю узость, нетерпимость к другим объединениям. Правда, в истории русского сектанства были случаи, когда сектанты объединялись. Но для чего и по каким соображениям и чего эти объединения касались? Объединялись они в 1921—22 годах для отстаивания своего нового неизвестного прежде до революции принципа об отказе от несения строевой военной службы. Объединялись в 1925 году; когда подписались под письмом толстовца Трегубова в газете «Безбожник» (№№ 50—51), в котором сектанты доказывали свои исключительно важные заслуги пред революцией. Вот пожалуй и все. Что же лежало в основе этих объединений? Не будем деликатничать, а скажем прямо и решительно: шкурничество—и больше ничего. Ужели православная церковь пойдет на какое-то объединение с сектантами под такими флагами и лозунгами. Ведь это позор, о котором с неодобанием говорят рядовые более честные сектанты.

С сектантами не может быть, далее мира потому что слишком тяжелые и неприемлемые для нас условия они предлагают. Как можно видеть из обращения Проханова и вышеприведенных слов Кудинова—нам обновленцам, не надо вырабатывать своей

программы обновления церкви: она готова в их программах; нам остается только принять ее и провести в нашу жизнь, т. е. сделаться сектантами. Вот к чему клонятся предложения о мире с сектантами: к измене православию и защите своих шкурных интересов.

Наконец, разве может быть мир с теми, кто самой главной своей задачей ставит миссию среди нас, почитаемых ими за неверующих. И это понятно. Без захвата все новых и новых позиций сектантам не жить. Всякая остановка в этом грозит им замиранием, а потом и смертью секты. Недаром старые, неподвижные консервативные секты на наших глазах разлагаются, подпадают под влияние других сект, умирают. Это обстоятельство учтено сравнительно новыми сектами: отсюда их стремление к возможному расширению. И даже старая секта молокан и та ставит вопрос о благовестии, о миссии. На нас смотрят как на побежденных, лишенных опоры государственной власти, которую церковь пользовалась в прошлом, и поэтому мечтают сыграть на этом положении. Этим и объясняются успехи сектанства в революционное время. Но вот церковь восстает из беспомощного положения, начинает созидательную работу, свидетельствующую о наличии в ней жизненных сил и соков, и сектанство зашевелилось с намерением использовать для своих целей эти жизненные соки обновленчества, или по крайней мере парализовать их. Давайте мириться, прекратите работу против нас, объединитесь с нами, если надо, примите нашу готовую программу—вот к чему сводится этот «мир», к тому, чтобы усыпить нашу пробужденную церковной революцией духовную бдительность о защите православия. Нам трудно, на нас насаждают и староцерковники, но на мир с сектантами мы не пойдем никогда. Пусть это твердо помнят и староцерковники, обвиняющие нас в сектанстве, выскивающие несуществующие ереси в нас и без всякого суда и следствия низвергающие нас в свой староцерковнический ад, где носители Христовой благодати—епископы будут поджаривать нас вместе с арианами, македонянами и тому подобными крупными еретиками древнего и нового времени, а их главные защитники православия своим звероподобными анафемами будут заглушать наши вопли и не давать нам каяться в своих грехах. Их главный козырь—обвинение нас в сектанстве—побит фактами наших публичных исповеданий необходимости борьбы с сектанством и нашим реальным выступлением против сектанства, организацией миссии и начавшейся энергичной работой против него.

Потеряв надежду на мир с нами, некоторые секты говорят нам: не хотите совместной работы, не хотите мира, так давайте будем сохранять нейтралитет: вы делаете свое дело, мы будем делать свое, вы работайте в своей области, мы будем в своей, друг другу мешать не будем. Как будто заманчивое предложение, но мы его еще более решительно отвергаем, чем первое по следующим мотивам. Такого состояния между православием и сектанством не было и быть не может. Сектанство, как указано выше, не может отказаться от миссии: это его жизнь и инстинкт самосохранения подсказывает сектанству, что остановка дела миссии есть начало его конца. Поэтому мы никогда не можем поверить искренности сектанства, когда они говорят о каком-то духовном и организационном нейтралитете. Затем мы как выразители и носители подлинного православия тоже не можем ни на минуту забыть о тех миллионах бывших чад православной церкви, которые ушли в страну далечу и бродят по распутиям и часто неудовлетворенные совсем уходят от Христа. Возродив миссию и дав ей новое направление в духе апостольском, православная церковь на первом плане ставит—прислать работу сектантов, а затем, не откладывая дела в долгий ящик, начать работу и по возвращению сектантов обратно в православие. Мы из деликатности и христианской любви к сектантам никогда не старались открыть миру истинный корень сектанства. Мы считали их религиозно-больными людьми, к которым нужно подходить, как в больным. Но сами они вынуждают нас в настоящее время открыть эту основу сектанства. Мы читаем особенно у молокан, что наша церковь есть блудница, сидящая на водах многих, что церковь—это гнилой труп, что над ней, как над язычниками не познавшими Бога из разсматривания природы, должен скоро совершиться суд Божий, что мы идолопоклонники, создающие своего Бога и поклоняющиеся ему (Вестник молокан № 9, 1927 г., стр. 17—18). Наша церковь есть царство тьмы (там же № 2 за 1927 г. стр. 26). Православие называют сатанинским делом. Дальше идти некуда и мы тоже наконец поставим точку над и и скажем: сектанство есть работа дьявола, который, как волк, рыкает, и ищет кого поглотить, и для этой цели не брезгует средствами, одним из коих является—гордость человеческая, самомнение, которым особенно заражены сектанты, а дальше разделение церкви, стремление посеять вра-

жду между братьями по вере во Христа. Не является ли сектанство точной копией тех многочисленных ересей древности, которые воздвигал дьявол для уничтожения церкви. Да. Все что говорят апостолы об ересь—может быть полностью отнесено к современному сектантству. Очевидно—эта болезнь всегда шла одним путем и только по временам варьируя свою форму, она сохраняла свои характерные черты. Поэтому особенно не может быть не только мира с сектантами, но и нейтралитета в отношениях к ним.

Итак борьба. Да. И сектанты это понимают и предостерегают против нас. Особенно оттеняют это опять таки молокане, которые более других сектантов надеялись на разрушение церкви обновленчеством. «Братья духовные христиане и все сектанты вообще приготовьтесь к отражению нового похода против нас и не думайте, что этот поход менее опасен, как поход православного духовенства на нас при царизме: тогда мы были сильней духом, глубокая вера наша и дела наши добрые были прочным оплотом для нас в борьбе с православием, мы не боялись убивающих тело, а душе не могущих повредить; против преследования нас мы стояли мужественно, теперь нам предстоит борьба против убивающих душу, против веры нашей в Иисуса Христа; обновленцы не только хотят парализовать нашу работу, но и нас возвратит в лоно православия». (Вестник молокан № 9, 1927 год стр. 18). Учужали опасность и другие сектанты и начали реагировать по своему каждая секта. Баптисты думают стыдить обновленцев, которые когда-то называли их братьями во Христе, а теперь ведут борьбу. Баптисты хотят бить нас т. с. догматически, т. е. в противовес нам стараются раскрыть якобы на основе чистого священного Писания основные догматы христианства (о церкви, о спасении—возрождении человека, о священстве и др.), причем часто пользуются и Св. Преданием и Историей церкви, извлекая оттуда потребное для себя, к сожалению для нас и к стыду своему, совершенно безцеремонно пользуясь указанными источниками: историей, хронологией, творениями Св. Отцов церкви, проливая этим массу лжи на православие, клеветая на него и своими ссылками смущая простых людей, для которых слово Св. Отцов является дорогим и авторитетным.

Адвентизм, более других сект бывший лояльным по отношению православию, в самое последнее время выступает против православия открыто, называя православную церковь «пристанищем всякому нечистому духу» и средневековым вертепом, и смеясь над нашими попытками возвеличить авторитет восточных патриархов (Голос истины, 1928 г., № 3, стр. 89).

Одним словом, наше выступление на борьбу замечено. Мы не приводим многочисленных выступлений всяких сектантов на молитвенных собраниях, в котором они возобновляют самое злобное отношение к нам, каким они дышали особенно в прежнее время.

В какой плоскости, по какой программе мы поведем свою борьбу против сектанства? Обыкновенно стратеги скрывают свои планы наступлений. Но мы скрывать не будем, а хотим указать нашим братьям, в каком направлении должна вестись борьба против него. Прежде всего мы считаем нужным предупредить сектантов всех направлений, что мы не собираемся, как им кажется, заниматься какими-то доносами на них, не собираемся касаться их политических убеждений и выступлений. Это не наше дело, тем более, что им за это достаточно попадает и в светской печати, хотя иногда стремление к политиканству настолько сквозит, даже брызжет в их статьях, программах, что как-то невольно их цитируешь. Достаточно указать, напр., на программу Всемирного конгресса баптистов в Торонто в Канаде, из коей видно, что конгресс занимается немало и политикой. Одним словом, мы ей не занимаемся и о сектантах писать не будем.

Наша задача должна будет сводиться к следующему:

а) на страницах Вестника Св. Синода мы постараемся дать сильное изложение положительного учения Православной церкви по вопросам догматики, пререкаемых сектантами, и разоблачить все те возражения, какие делают сектанты против православного учения, причем одновременно мы будем указывать, оттенять, разбирать и те места Писания, которые могут говорить против сектантов и которые ими не приводятся. Разбор как тех, так и других мест должен быть произведен так, чтобы православный собеседник с сектантами мог довести каждый вопрос до логического конца, поставить вопрос так, чтобы сектант должен был неминуемо сказать: да или нет. Этих вопросов и ответов сектанты не любят, потому, что логика часто говорит против них.

б) Мы должны постоянно следить за их «опытами» пользования Св. Преданием, историей, хронологией и т. д. и немедленно печатать в Вестнике указания положительного характера и указания на то что сектанты выражаясь очень мягко, лгут на православие, произвольно обращаются с тем, что может быть

предметом научной критики и что следовательно может быть научно проверено и ложь сектанства может быть разоблачена.

в) Мы должны с положительной стороны использовать историю, особенно археологию, предание, писания первых церковных писателей, и отсюда извлечь положительную защиту православия.

г) Мы должны всесторонне обследовать методы сектанской пропаганды, указать работникам на местах, к каким приемам они прибегают, особенно в темных уголках и там совершенно бесцеремонно, пользуясь Писанием, сеют свое темное дело. Тут можно указать такую кучу темных, чисто жульнических приемов, даже шулерских, к которым прибегают без застенчивые «сеятель евангельской правды», как они себя именуют. Эти указания сослужат большую службу особенно в деревне, беззащитной совершенно от нападков сектанства.

д) Опыт поездки по Сибири красноречиво подтверждает громадную пользу поездки на места и здесь прочтение самых популярных, доступных пониманию каждого лекций бесед по разбору сектанского учения. Вооруженный хотя одним-двумя меткими ответами на сектанские хитрости и положительными вопросами по адресу их, а также ознакомленный с тактикой, приемами сектантов, каждый верующий явится на месте горячим

миссионером-борцом против сектанства. Лекции потребуют не более 4—5 дней для каждого места.

е) Не бесполезно устраивать в крупных центрах сектанства и диспуты против них с условием—твердо держаться темы данного дня, так как сектанты обыкновенно не умеют или не хотят спорить по настоящему с соблюдением всех правил диспутов.

ж) Самым радикальным средством борьбы, как уже неоднократно доказывалось, должно быть признано проведение во всей широте и глубине основ обновленческого движения.

Мы упорно говорили, что староцерковничество, как умирающая организация не ведет борьбы против сектанства и неспособна вести ее. Эту борьбу могут вести только обновленцы. Осуществление минимума программы обновленчества вырвет почву из-под ног сектанства. Очевидно, они и сами сознают это, предлагая нам мир или нейтралитет. Но мы им вместо этого—не мир, но меч. Орудия у нас теперь совершенно одинаковы. Поэтому они не могут упрекнуть нас в каких то неподобающих морально орудиях борьбы. Орудие это—Слово Божие, безпристрастная история и здравый разум.

Проф. В. Белоликов.

Поминайте наставников ваших.

В устройении Церкви Христовой на земле не малую пользу принесли нам отдельные личности, которые административной деятельностью, учеными сочинениями, миссионерской работой, наконец своей высокой жизнью положили крепкие кирпичи в великое дело строительства церковного. Их труды остались заместными даже до настоящего времени, несмотря на прошедшие тысячелетия, столетия. Обыкновенно таких людей особенно чтут, празднуют т. н. юбилеи, в которые устраиваются торжественные собрания для всестороннего напоминания о заслугах юбиляра. Мы все помним, как вся Христианская церковь торжественно праздновала в 1907 г. 1500-летний юбилей со дня смерти Св. Иоанна Златоуста, в 1913 г.—юбилей Миланского эдикта, в 1909 г. Русская церковь праздновала юбилей Св. Дмитрия Ростовского.

Но великий юбилей I Вселенского Собора в 1925 г. в Русской церкви прошел совершенно незаметно. Мы хотим восстановить эти торжественные праздники христианства, выразив свое молитвенное почтение во дни юбилеев совершением торжественных богослужений, произнесением соответствующих проповедей, устройством собраний с докладами на тему юбилея, напечатанием соответствующих статей в Вестнике Синода. Но желательно, чтобы все обновленчество приняло в этом единодушное участие. Напоминаем нашим читателям и всем обновленцам о следующих великих юбилеях: в 1929 году—1600 лет со дня рождения Св. Василия Великого, в 1930 году—1600 лет со дня рождения Св. Григория Богослова и в 1931 г.—1500 лет со времени III Вселенского Собора.

Первый миссионерский опыт.

17 июня сего года в поселке Издетково Смоленской губернии имел место диспут православных с сектантами. Небезинтересно отметить и некоторые его моменты, ярко характеризующие методы сектантской полемики, в данном случае «евангельских христиан». Окружающая вышеуказанный поселок местность в общем заражена сектанством слабо, благодаря просветительной работе местного обновленческого священника, единственного во всем уезде. Месяца 2 тому назад все сектанты были объединены в одну общину, а совсем недавно из этой общины выделились часть баптистов. Последние не имеют еще специального помещения для молитвенных собраний. Евангельские христиане организованы лучше: они пользуются для своих молитвенных собраний единственной в округе парикмахерской, хозяин которой является и руководителем общины. Все стены парикмахерской увешены пестрыми плакатами и различными изречениями из Св. Писания. Клиенты парикмахерской в ожидании приема имеют возможность познакомиться с сектантской литературой в достаточном количестве разбросанной на столе вместо обычных «Огоньков» и т. п. журналов. На фасаде здания, рядом с скромной вывеской «парикмахерская», висит и красуется менее скромная вывеска: «Евангелизационное собрание Евангельских христиан». Такое трогательное единение гигиенических заведений с домом молитвы чрезвычайно характерно для сектантов не брезгающих никакими общественными местами для достижения своих агитационных целей.

В указанный день в церкви за обедней было объявлено, что в поселке состоится диспут с сектантами в парикмахерской. Туда первым пришел священник. Он застал там знакомую картину сектантских молитвенных собраний: однотонные проповеди, слащавое пение, сентиментально-приторные молитвы. К концу собрания помещение было доотказа наполнено православными.

Беседа началась с вопроса со стороны священника, признают ли сектанты Св. Предание, причем заранее было решено держаться именно этой темы, все же остальные разногласия оставить в стороне. Пока дело касалось общих вопросов, сектанты вели себя прилично но как только вопрос ставился ребром, в упор, начинались бессмысленные придирки к тому или иному слову, не имеющему ровно никакого отношения к поставленному вопросу. Примером может служить следующий диалог. Священник задает вопрос: «Итак на основании только что рассмотренных текстов, признаете ли вы учение православной церкви о Предании правильным». Вместо «да», требуемого элементарной логикой, сектантом задается нелепый контр-вопрос: «а что значит по вашему церковь». И тут же делаются попытки использовать это понятие в своих интересах. Создается впечатление, что сектанты лишены способности последовательного мышления. Присутствующие великолепно расшифровали эти недоброкачественные полемические приемы, оценив их как выражение слабоумия сектантов. В результате после заключительной речи православного священника в которой он призывал всех верующих к единству, основанному на правильном понимании Св. Писания, несколько человек, увлекшихся кажущейся правдивостью сектанства, публично заявили о своем разрыве с последними и своем желании возвратиться в отчий дом—Православную церковь.

Свящ. Василий Лесаневич.

(От редакции. Редакция, помещая заметку о Лесаневича, только что окончившего курс Московской Богословской Академии о диспуте, в котором он принимал самое деятельное участие, хотя об этом по скромности умолчал, хочет показать читателям, что питомцы Академии прямо со скамьи выступают на борьбу с сектанством и, как видно из заметки, имеют успех).

